

Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ъ XVIII.

М О С К В А,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1789.

СТАТЬИ

изъ

CONTEMPLATION de la NATURE,

Боннетова Сочиненія.

О БОГѢ и ВСЕЛЕННОЙ ВООБЩЕ.

Введеніе.

Возношуся къ *Вѣчной Причинѣ* (*), изъ
слѣдываю Ея законы и обожаю
Оную. Взираю на Вселенную окомъ филосо-
фическимъ. Ищу отношеній, дѣлающихъ
Часть XVIII. No. 14. А 2 изъ

(*) *Raison Eternelle* на языкѣ *Боннетовомъ*
не значить *вѣчной разумъ*, какъ-шо
перевелъ Нѣмецкой Переводчикъ, Г Про-
фессоръ *Тидіусъ*. Въ концѣ первой
главы

изъ сей огромной цѣпи одно Цѣлое. Оспанавливаюсь разсмапривать нѣкоторыя кольца ея; и будучи пораженъ знаками могущества, премудрости и высочества, осмѣливаюсь начерпывать оныя, стараяся ихъ не ослабить.

Г Л А В А I.

Первая Причина.

Самосуществованіе, всемогущество и безпредѣльно премудрая воля, суть великія совершенства *Первой Причины*.

Вселенная существенно происходитъ отъ сей *Причины*. Тщетно будемъ искать другой всему, что существуетъ. Вездѣ примѣчаемъ *порядокъ* и *цѣли*; но сей *порядокъ* и сіи *цѣли* суть дѣйствія: что же есть ихъ начало?

Почитать Вселенную вѣчною есть то же, что полагать безконечной *порядокъ* существъ конечныхъ.

При-

главы говоритъ Боннетъ: il est hors de l'Univers Une Raison Eternelle de son existence. Здѣсь *Raison* не можетъ значить *разумъ*, а великой Философъ не употребляетъ одного слова въ столь разныхъ значеніяхъ. —

Прибѣгаешь къ вѣчному движенію есть по же, что полагаешь вѣчное дѣйствіе.

Утверждаешь, что разумъ произведенъ матеріею и движеніемъ, есть по же, что почишаешь *Оптику* Ньютонову сочиненіемъ слѣпорожденного человѣка.

И такъ скажемъ: когда Вселенная существуетъ, то есть внѣ Вселенной *Вѣчная Причина* ея существованія.

Г Л А В А II.

Т в о р е н і е.

Какой разумъ изслѣдуешь глубины сей бездны? Какая мысль можешь изъяснить *Могущество, воззывающее въ бытіе несуществующія вещи, подобно какъ бы онѣ существовали?* Богъ хочетъ, чтобы Вселенная была: Вселенная существуетъ.

Сія Божественная сила, сія непостижимая мощь, можешь ли быть сообщаема? И еслили она можешь быть сообщаема, то какіе же суть законы сего сообщенія?

Глаголь Воплощенный, Первороденный между шварями! когда сія сила могла быть сообщена, то Ты получилъ ее, и *вѣки были сотворены Тобою!*

Г Л А В А ІІІ.

Единство и доброта Вселенной.

Единство чертежа Вселенной ведетъ насъ къ единству Разума, его изобрѣтшаго. Гармонія Вселенной, или отношенія, находящіяся между разными частями сего огромнаго зданія, доказываютъ, что *Причина* онаго *одна*. Дѣйствіе сей *Причины* также *одно*; Вселенная есть сіе дѣйствіе.

Она заключаетъ въ себѣ все то, что есть и быть могло. *Возможное* значитъ здѣсь не то, что само по себѣ или въ мысляхъ возможно; но то, что возможно въ отношеніи къ совокупнымъ свойствамъ *Верховной Причины*. Предметъ Могущества былъ предметъ и Премудрости.

Могущественная Воля произвела въ дѣйство все то, что быть могло. Единное дѣйствіе сей *Воли* произвело Вселенную: то же дѣйствіе и содержитъ ее. *Богъ* есть то, что Онъ былъ и будетъ; чего хотѣлъ, того и нынѣ хочетъ.

Разумъ, Который вдругъ объемеритъ всѣ связи возможностей, изкони видѣлъ *Истинное Добро*, и никогда не совѣтовался.

вался. Онъ дѣйствовалъ; Онъ употребилъ свою самовластную свободу, и Вселенная получила бышіе.

И такъ міръ имѣетъ все совершенство, какое только могъ онъ получить отъ *Причины*, въ которой одно изъ первыхъ свойствъ есть *Премудрость*, и въ которой *Благость* есть также *Премудрость*.

И такъ нѣтъ совершеннаго зла во Вселенной; ибо она не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что бы не могло быть дѣйствіемъ или причиною какого ни есть добра, которое бы не существовало безъ того, что мы *зломъ* называемъ. Если бы все было одно отъ другаго отдѣлено, не было бы гармоніи. Когда бы что нибудь было упущено, тогда бы въ цѣпи осталась пуста, а отъ всеобщаго сцѣпленія произошли подчиненность существъ и отношенія ихъ къ пространству и времени. Зубецъ въ машинѣ можетъ ли жаловаться, что онъ не главное колесо? Когда же сіе колесо будетъ зубцомъ, оно также станетъ жаловаться; и чтобы уничтожить такія несмысленныя жалобы, надлежало бы уничтожить всю машину.

Ты говоришь, для чего человекъ не такъ совершенъ, какъ Ангелъ? Безъ сомнѣнiя хочешь ты сказать, для чего человекъ не Ангелъ. Спроси также, для чего олень не человекъ. Но для существованiя оленя потребны были нравы, которыя питають его: и такъ не уже ли захочешь, чтобы и сiи нравы сдѣлались маленькими человекками? Ихъ сохраненiе и размноженiе зависѣло отъ земли, воды, воздуха, огня: осмѣлился ли бы ты наконецъ, упорствуя въ своемъ мнѣнiи, спросить, для чего части, составляющiя стихiи, не *маленькiе человекки*?

Почувствууй свое заблужденiе и признай, что каждое существо имѣетъ совершенство, сообразное цѣли его. Оно бы не могло достигнуть оной, если бы перестало быть тѣмъ, что есть. Перемѣня свою натуру, перемѣнило бы оно и мѣсто, которое во всеобщей Иерархiи безъ сомнѣнiя было бы опять дано другому существу, ему подобному, или гармонiи надлежало бы рушиться.

И такъ не спашемъ судить о существахъ единственно по нимъ самимъ; но будемъ цѣнить ихъ по отношенiю къ тому мѣсту, которое надлежало имъ
занять

заняты въ Системѣ. Нѣкоторыя слѣдствія ихъ природы можно назвать *эломъ*; но чтобы сего зла не было, надлежало бы сіи существа оставить въ небытіи, или сотворить другую Вселенную. Отъ взаимнаго дѣйствія твердыхъ и жидкихъ частей происходитъ *жизнь*; но самое сіе дѣйствіе въ продолженіи есть натуральная причина *смерти*. И такъ безсмертіе требовало бы другаго плана; ибо Планета наша не годилась для существъ безсмертныхъ.

Совокупность всѣхъ родовъ *относительныхъ* совершенствъ составляетъ дѣйствительное совершенство того Цѣлаго, о которомъ Богъ сказалъ: *добро есть*.

Сія огромная Система тварей событствующихъ и послѣдственныхъ есть *одно* какъ въ слѣдствіи, такъ и въ соупроеніи или въ связи. Первое кольцо цѣпи связано съ самымъ послѣднимъ промежуточными кольцами. Настоящія приключенія готовящъ самыя опдаленнѣйшія. Сѣмя, развернувшееся во чревѣ Сарры, готовило существованіе великаго народа и спасеніе міра.

Г Л А В А IV.

*Разсмотрѣніе Вселенной въ главныххъ
ея частяхъ.*

Когда темная ночь разстилаетъ свое покрывало по лазуревому пространству, тогда твердь небесная являетъ глазѣмъ нашимъ свое величество. Блещущіе пункты, которыми она усыпана, суть солнца, повѣшенныя *Всемогущимъ* въ семь пространствъ, чтобы освѣщать и согрѣвать міры, вокругъ ихъ вертящіяся.

Небеса повѣдаютъ славу Создателя, и твердь возвѣщаетъ дѣло рукъ Его. Сей высокой Духъ, изъясняющійся толь величественно, жилъ еще не въ тѣ времена, въ которыя всѣ видимыя небесныя свѣтила признали солнцами. Онъ предупредилъ время, и первой возпѣлъ величественной Гимнъ, которой будущіе просвѣщеннѣйшіе вѣки должны были пѣшь въ похвалу Господа міровъ.

Цѣлое сихъ великихъ шѣлъ раздѣляется на разныя Системы, которыхъ число можетъ быть превосходитъ число песчинокъ, извергаемыхъ на берега моремъ.

Каждая Система имѣетъ въ средоточіи своемъ звѣзду, или солнце, блестящее собственнымъ своимъ свѣтомъ, кругомъ котораго вертятся разнаго рода темные глобусы, отбрасывающіе съ большимъ или меньшимъ блескомъ принятой отъ онаго свѣтъ, отъ чего становятся онѣ намъ видимы.

Глобусы, которые кажутся блуждающими въ небесномъ воинствѣ, суть Планеты, изъ которыхъ главныя имѣютъ солнце обыкновеннымъ центромъ своего періодическаго обращенія; а другія, называемыя Планетами втораго класса, вертятся кругомъ одной главной, за которою онѣ слѣдуютъ какъ спутники въ годовомъ ея обращеніи.

Венера и Земля имѣютъ по спутнику (*); нѣкогда безъ сомнѣнія найдутъ спутника и у Марса.

Юпи-

(*) Много сомнѣвались въ существованіи Венерины спутника. Все то, что сказано о томъ разными Наблюдателями, считали за мечту или обманъ Оптички. Кто потрудится прочесть съашью о Венерѣ въ Прибавленіи Парижской Энциклопедіи, томъ XVII: томъ конечно не будетъ

Юпитеръ имѣетъ четыре спутника,
Сатурнъ пять и еще кольцо или свѣш-
лую

дешъ сомнѣваться въ бышій сего спутника. Увидяшъ тамъ наблюдение великаго Кассини, сдѣланное въ 1686 году, Господина Шорша въ 1740, Господина Моншаня въ 1761, Ла Гранжа въ томъ же году, и Г. де Моншбарона въ 1765. Первые при Наблюдателя, о которыхъ говорю, видѣли сего спутника въ образѣ полумѣсяца. Г. Шоршъ былъ столь обрадованъ своимъ открытіемъ, что вырѣзалъ на своей печати сей девизъ: *tandem apparuit* (наконецъ явилось). Славной Ламбершъ, сравнивая всѣ сіи наблюдения одно съ другимъ, показалъ намъ ихъ согласіе. *Essai d'une Théorie du Satellite de Venus; nouveaux Memoires de l'Academie de Berlin*, 1773. По изчисленію онаго Астронома, обращеніе сего спутника вокругъ Венеры свершается дней въ одиннадцать. Онъ думалъ, что его можно видѣть въ кругѣ солнца 1 Іюня 1777 году, ибо тогда Венера должна была проходить весьма близко отъ солнца; однако же не видали его. Г. де Меранъ, которой, кажется, совсѣмъ не сомнѣвался въ существованіи сего малаго свѣшила, назначилъ при-
чины

люю атмосферу (*), которая, кажется, производитъ дѣйствіе множества маленькихъ лунъ.

Сія

чины рѣдкости его явленія. *Memoires de l'Acad. de Paris, 1762.*

- (*) Великое зрѣлище для глазъ Астронома представляетъ Сатурнъ, окруженный пятью лунами и кольцомъ своимъ. Известны фазы сего чудеснаго кольца; но оно не есть простая атмосфера, какъ какъ я сказалъ здѣсь, не зная шого совершенно. По основательнымъ причинамъ можно думать, что оно есть швердое и темное шѣло. Когда солнце освѣщаетъ шу поверхность кольца, которая нашей землѣ противоположна, тогда кольцо становится намъ невидимо. И такъ если бы оно было ни что иное, какъ атмосфера, то намъ надлежало бы шогда видѣть нѣкоторой свѣшъ, а особливо по малой шолщинѣ сего кольца; ибо послѣднія примѣчанія въ разсужденіи его сокрышій и явленій сѣ довольно вѣрояшностию доказываютъ, что оно шолщиною менѣе шрехъ Французскихъ миль. Въ добавокъ къ сему неупомимой Господинъ Мессіе примѣшилъ въ шакомъ же обстоятельствѣ по рукояткамъ сего кольца разсѣяшныя свѣшдыя

Сія Планета, до которой отъ солнца будетъ почти пристра миллионѣ Французскихъ миль, получала бы отъ него весьма слабой свѣтъ, естли бы ея спутники и кольцо не умножали онаго, отбрасывая его отъ себя.

Намъ извѣстны семнадцать Планетъ, составляющихъ нашу солнечную Систему; однакожь мы не увѣрены, чтобы ихъ не было болѣе. Число ихъ гораздо умножилось по изобрѣшеніи телескоповъ. Когда инструменты будутъ совершеннѣе, а Примѣчательнѣе прилѣжнѣе и щастливѣе, тогда можетъ быть число Планетъ еще умножится. Спутникъ Венеринъ, усмотрѣн-

лая почки; свѣтъ оныхъ былъ живъ, бѣлъ, блестящъ и сходенъ со свѣтомъ самыхъ малыхъ звѣздъ, видимыхъ посредствомъ лучшихъ инструментовъ. Онъ примѣнилъ, что нѣкоторыя почки менѣе другихъ свѣтлѣе; иныя же, казалось, отъ соседственныхъ совѣтъ отдѣлялись. Все сіе, кажется, доказываетъ, что кольцо Сатурново есть тѣло темное, котораго поверхность, подобно поверхности луны, неровная, производя въ своихъ квадратурахъ такія же существенныя дѣйствія.

прѣнной въ послѣднемъ вѣкѣ, и не давно опять найденной, предвѣщаетъ Астрономіи новыя открытія.

Не только предоставлено было новой Астрономіи обогатить наше небо новыми Планетами, но ей дано было и разпространить границы нашей солнечной Системы. Кометы, которыя — по ихъ обманчивымъ видамъ, по хвосту и волосамъ; по ихъ стремленію, иногда противоположному стремленію Планетъ, и весьма часто различному; и по ихъ явленіямъ и сокрытіямъ — почитались Метеорами, зажженными въ воздухъ разгнѣваннымъ божествомъ, спали пѣлами планетными, которыхъ длинныя пухи изчисляють наши Астрономы, предсказывая наиотдаленнѣйшія ихъ возвращенія, и опредѣляя ихъ мѣста, явленія и удаленія. Болѣе 30 (*) такихъ пѣлъ считается въ Системѣ нашего солнца; и нѣкоторыя изъ оныхъ обпекають около сего свѣтила такіе большіе круги, что имъ надобно

мно-

(*) Когда я сіе писалъ, тогда считалось такое число Cometъ; но нынѣ сочли ихъ 63.

множество лѣтъ, или самыхъ вѣковъ, для свершенія своего пути (*).

(Продолженіе будетъ впродъ).

(*) Теорія Кометъ не такъ еще совершенна, чтобы Астрономъ могъ на множество лѣтъ вычислить пути ихъ, наблюдая ихъ только въ одно явленіе. Но совершенно извѣстны періодическія времена прехъ Кометъ. Комета 1264 и 1566 году свершаетъ свое печеніе въ 292 года; Комета 1532 и 1661 году во 129 лѣтъ; а являвшаяся въ 1456, 1531, 1607, 1682, 1759, свершаетъ свой періодъ въ 75 лѣтъ. Великой Галлей полагалъ, что славная Комета 1680 году была самая та же, которую видѣли при смерти Юлія Цезаря, и въ 532 и въ 1106 году; и что обращеніе ея свершается по сему въ 574 года. По изчисленіямъ славнаго Эйлера періодъ прекрасной Кометы, явившейся въ Августъ 1769 году, долженъ быть отъ 449 до 519 лѣтъ, полагая, что въ примѣчаніяхъ своихъ онъ только одною минушою ошибся.

Спашьи изъ Contemplation de la Nature.

Продолженіе.

Новой же Астрономіи надлежало научить насъ, что звѣздъ есть подлинно безчисленное множество, и что созвѣздія, въ которыхъ Древніе полагали самое небольшое число оныхъ, содержатъ ихъ нѣскольکو тысячъ. Небо Талесовъ и Гиппарховъ было весьма бѣдно въ сравненіи съ небомъ Гуйгенсовъ, Кассиніевъ и Галлеевъ.

Діаметръ великаго круга, которой обшекаетъ наша Планета, состоитъ болѣе, нежели изъ шестидесяти милліоновъ Французскихъ миль (*); и сія обширная окружность исчезаетъ и дѣлается единымъ пунктомъ, когда Астрономъ хочешъ употребить ее на измѣреніе разстоянія неподвижныхъ звѣздъ.

Часть XVIII. No. 15.

Б

Какъ

(*) Среднее отдаленіе солнца отъ земли, изчисленное по послѣднему прохожденію Венеры черезъ солнечной кругъ, состоитъ изъ 34,761680 Французскихъ миль, что составляетъ въ діаметрѣ большаго круга 69,523360 миль.

Какъ же велика существенная масса сихъ сіяющихъ почекъ, когда онѣ еще примѣтны въ такомъ ужасномъ отдаленіи? Солнце около милліона разъ болѣе земля (*), и во сто десять разъ болѣе всѣхъ Планетъ вмѣстѣ. Естли звѣзды суть солнца, какъ-то увѣряешъ насъ блиспаніе оныхъ, то онѣ могутъ своею величиною превосходить наше солнце, или по крайней мѣрѣ съ нимъ равняться.

Гордый, малознающій смертный! возведи шеперь глаза свои на небо, и опвѣштуй мнѣ: естли бы изключить нѣкоторыя изъ сихъ свѣтилъ, висящихъ на звѣздномъ сводѣ, то ночи швои темнѣ ли бы опъ того были? Не говори же, что звѣзды для тебя одного сотворены, что для тебя одного швердъ небесная сіяешъ симъ величественнымъ блескомъ. Безразсудный! ты конечно былъ не первымъ предметомъ благодарній Создателя, когда Онъ поставилъ Сиріуса и мѣрилъ его сферы.

Между

(*) Солнце въ 1435000 разъ болѣе земли и въ 571 разъ болѣе всѣхъ Планетъ вмѣстѣ. Между шѣмъ великошь сію не

Между шѣмѣ, какѣ Планеты совершають около солнца сіи періодическія теченія, которыя опредѣляютъ ихѣ годы, вершятся онѣ еще на собственной своей оси, что опредѣляетъ ихѣ дни и ночи (*).

Б 2

Но

не надобно смѣшивать съ массою или количествомѣ матеріи. Масса солнца вѣ 580 разѣ болѣе массы всѣхѣ Планетѣ вмѣстѣ.

(*) Не знаютъ еще, вершятся ли Меркурій и Сатурнѣ на своей оси; но аналогія или подобность заставляетъ сіе думать. Венера переворачивается на своей оси почти вѣ 23 часа, Земля вѣ 24, Марсѣ вѣ 25, Юпитерѣ почти вѣ 10.

Что принадлежитъ до періодическаго или годоваго обращенія Планетѣ, по время пути ихѣ шѣмѣ долѣе, чѣмѣ далѣе онѣ отѣ центра своей Системы. Меркурій, меньшая изѣ главныхѣ Планетѣ, отстоящій отѣ солнца не болѣе тринадцати милліоновѣ Французскихѣ миль, обращается около сего свѣшила вѣ три мѣсяца: слѣдовательно его годѣ есть только четверть нашего года. Отстояніе Венеры отѣ солнца болѣе

Но какъ сіи великія шѣла висятъ въ ономъ пространствѣ? Какая тайная сила

25 милліоновъ миль; она совершаетъ свое обращеніе въ 8 мѣсяцовъ. Марсъ отстоитъ отъ солнца около 53 милліоновъ миль, и обращается около двухъ лѣтъ; Юпитеръ отстоитъ отъ сего свѣтила 180 милліоновъ миль, и обращеніе свое оканчиваетъ почти въ 12 лѣтъ. Наконецъ Сатурнъ, неизомѣрительнѣйшая изъ главныхъ Планетъ, ибо отстояніе его отъ общаго центра всѣхъ обращеній будетъ болѣе 300 милліоновъ миль, оканчиваетъ путь свой почти въ 30 лѣтъ; и такъ Сатурновъ годъ состоитъ почти изъ 30 нашихъ годовъ. Но что суть годы сей великой Планеты въ сравненіи съ годами Кометъ, которыя совершаютъ свой оборотъ въ нѣсколько вѣковъ? Планетныя періодическія обращенія производятся отъ Запада къ Востоку, и пути ихъ составляютъ почти совершенные круги, которые всѣ идутъ почти въ одинакой плоскости. Спутники также кружатся отъ Запада къ Востоку около главной Планеты. Сіе одинакое стремленіе довольно доказываетъ истинному Философу, что все сіе не есть дѣйствіе слѣплаго случая.

сила держитъ ихъ въ своихъ кругахъ, и водитъ съ шолкою правильностію и гармоніею? *Тяжесть*, сія могущественная сила, есть всеобщая причина, или принципія сего равновѣсія и сихъ движеній. Она проникаетъ до внутрениости всѣхъ шѣла. Чрезъ сію силу влекутся онѣ одно къ другому, въ относительной соразмѣрности къ ихъ разстоянію и массѣ (*).

Такимъ образомъ Планеты стремятся къ общему центру Системы, и наконецъ низверглись бы въ него, когда бы *Создатель*, шворя ихъ, не сообщилъ имъ *мчательнаго движенія* (*mouvement projectile*), или удаляющейя отъ средоточія силы, посредствомъ которой онѣ всегда отъ центра удаляются.

Б 3

Каж-

(*) Таковъ есть оный великій Божественный законъ, правящій всѣмъ пространымъ швогеніемъ, и открытый намъ *Великимъ Творцемъ* чрезъ онаго несравненнаго человекъ, долженствовавшаго бытъ основателемъ небесной Физики. Силою сего закона всѣ шары дѣйствуютъ другъ на друга въ прямой пропорціи своей массы и въ обратной пропорціи своего разстоянія.

Каждая Планета, повиная закону сихъ двухъ силъ, описываетъ кривую линію, производимую оными. Въ одномъ изъ средопочій сей болѣе или менѣе пропаянутой Эллипсы поставлено солнце или одна изъ главныхъ Планетъ. Такимъ-то образомъ та же сила, по которой разполагается паденіе камня, дѣлается плодотворною причиною небесныхъ движеній: удивительная Механика, которой простота и сила всегда доказываютъ намъ *глубокую премудрость Создателя!*

Земля, которая столь пространна въ глазахъ муравьевъ, на ней обитающихъ, и которая имѣетъ въ окружности девять тысячъ Французскихъ миль, почти въ тысячу разъ менѣе Юпитера, которой безъ помощи трубы кажется глазамъ одною блестящею точкою (*).

Два

(*) Юпитеръ въ 1479 разъ больше Земли, Сатурнъ въ 1030, Марсъ въ тридесятихъ, Венера въ одиннадцати въ шорыхъ-надесять, Меркурій въ седьми сошыхъ. Последнее прохожденіе Венеры черезъ кругъ солнца, 5 Іюня 1769 года, помогло Астрономамъ назначить сіи мѣры съ такою точностію или опредѣленностію, которой прежде не было.

Два Общества Академистовъ, новые Аргонавты, въ сіи послѣднія времена прославились рѣшительнымъ назначеніемъ фигуры нашей Планеты, доказавъ, что она есть сферодическое шгло, пологое къ Полюсамъ, и возвышенное къ Экватору (*); но Нютонъ еще болѣе прославился (**), открывъ сіе въ своемъ кабинетѣ единственно силою разума. Сія фигура есть также дѣйствіе тяжести, совокупленной съ силою отвлекающею отъ центра, и сіи двѣ силы, дѣйствуя въ каждомъ свѣшилѣ въ особливо пропорціи, разнообразяшъ ихъ фигуры, и дѣлающъ изъ нихъ Сфероиды болѣе или менѣе плоскія, такъ какъ и круги ихъ спановятся отъ того болѣе или менѣе продолговаты.

Шаръ земной, наружно раздѣленной на твердыя земли и моря, которыхъ

Б 4

по.

(*) И такъ фигура земли очень похожа на фигуру померанца. Меньшой діаметръ находится въ такомъ содержаніи къ большому, какъ 178 къ 179.

(**) Гюйгенсъ дѣлишъ сію славу съ великимъ Нютономъ. Онъ вывелъ плоскость земли къ Полюсамъ изъ Теоріи ошъ центра отвлекающихъ силъ.

поверхность почти ровна, внутренно образванъ, по крайней мѣрѣ до нѣкоторой глубины, изъ слоевъ, которые всѣ почти лежатъ между собою паралельно, и которые состоятъ изъ разнородной матеріи, болѣе или менѣе плодотворной, и болѣе или менѣе зернистой (*).

Поверхность земель показываетъ великія неровности. Индѣ видишь обширныя равнины, пересѣкаемыя пригорками и лощинами; индѣ великія цѣпи горъ, возносящихъ до облаковъ ледяные верьхи свои, между которыми суть глубокія долины (**). Изъ нѣдръ горъ изтекаютъ рѣки,

(*) Слои земли вообще паралельны между собою и съ горизонтомъ, или почти паралельны, что можно видѣть на скалахъ и горахъ; но иногда случается, что сіи паралельные слои, вмѣсто того, чтобъ имъ лежать горизонтально, гнутся или кривятся въ разныя стороны, такъ какъ бы сильныя потрясенія перемѣнили ихъ первое направленіе.

(**) Горы, называемыя *Кордиллеразами*, считаются самыми большими на землѣ; онѣ при шестидесяти тысячахъ сажень выше Южнаго моря.

Савойя

рѣки, которія, орошая разныя земли,
 Б 5 и

Савойская бѣлая гора послѣ Кордильеразовъ есть также одно изъ величайшихъ возвышеній нашей Планеты; она 2400 сажень выше Средиземнаго моря, Tenerifская гора, Пико, столь славная своею возвышенностію, ниже сей бѣлой горы; ибо она вышею не болѣе тысячи девяти сотъ сажень.

Нынѣ во всемъ видѣнъ духъ методы, для того что онъ связанъ съ духомъ наблюденія, отъ котораго ничто укрыться не можетъ. Новые наши Геологи раздѣляютъ горы на три класса: на первыя или на *коренныя* горы, на *второклассныя* и на *трехклассныя*. Не по одной вышинѣ раздѣляются онѣ на сіи классы; но болѣе по натурѣ вещества, изъ коего онѣ составлены, и по разположенію онаго.

Первоклассныя горы всегда составлены изъ стеклянныя матерій, и обыкновенно изъ гранитовъ. Сии матеріи лежатъ не слоями, такъ какъ въ горахъ нижнихъ классовъ; а не менѣе сего спмѣняеть ихъ и то, что онѣ не имѣютъ въ себѣ ничего изъ произведеній моря. Навѣчайшія горы нашей Планеты находящя между сими первоклассными

и разширеніемъ своего печенія производя
вѣ

сними; онѣ суть старшія дочери, и рожденіе ихъ безъ сомнѣнія предшествовало царству органическому. На сей-то древней и величественной вершинѣ гордыхъ горъ, въ семъ-то вѣчномъ уединеніи Время начерпало своєю мѣдною рукою Календарь Нашуры, въ которомъ цѣлые вѣки такъ какъ дни назначены; ибо Нашура, дочь Вѣчности, считаешь только вѣками и тысячами вѣковъ.

Горы втораго класса, весьма отличныя отъ горъ перваго, составлены изъ известныхъ маперій, которыя лежатъ параллельными слоями, и почти горизонтально. Сія параллельность и сіе положеніе слоевъ горъ второклассныхъ открываетъ уже тайну ихъ произхожденія, показывая довольно ясно, что оныя суть произведеніе воды. Но всего болѣе разрѣшаетъ сомнѣніе то, что въ нихъ находятъ множество морскихъ пѣлъ. Проницательное и внимательное око Геолога видитъ въ сихъ пѣлахъ довольно постоянной порядокъ, доказывающій, что онѣ зашли шуда не отъ обрушенія земли и не отъ случайныхъ наводненій. Большая часть
сихъ

въ разныхъ мѣстахъ пруды и озера,
влива-

сихъ матерій принадлежатъ къ классу раковинъ, и окаменѣлыя раковины, которыхъ находится великое множество въ слояхъ горъ, лежатъ такъ же, какъ подобныя имъ живыя раковины лежатъ на днѣ морей.

Горы прерываго класса не столь правильны въ своемъ составѣ. Онѣ, кажется, составлены только изъ скопившагося песку, песочныхъ и круглыхъ кремнистыхъ камней, и проч. Нѣтъ въ нихъ сихъ великихъ кучъ морскихъ пѣлъ, расположенныхъ параллельными слоями, которыхъ находится въ горахъ втораго класса; но часто бывающъ въ нихъ по разнымъ мѣстамъ остатки животныхъ и земныхъ произрастннй, смѣшенные съ нѣкоторыми морскими пѣлами. Здѣсь-то сущь Архиды сего Потопа, описаннаго древнѣйшимъ и почтеннѣйшимъ Историкомъ; Потопа, котораго слѣды видимъ еще и понынѣ въ памятникахъ многихъ народовъ.

Горы, которыхъ польза столь разнообразна, и которыхъ украшающъ нашу Планету, не случайно по поверхности земной разбѣяны. Положеніе каждой горы имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ

вливаются въ море, и возвращаютъ
ему

положенію прочихъ горъ, которое Примѣчатель открываетъ, и которое являетъ ему тайные законы ихъ образованія. Вообще всѣ главныя цѣпи горъ идутъ къ общему центру. Предъ сею главною горою, раздѣляющею облака своимъ высокимъ верхомъ, всѣ цѣпи горъ болѣе и болѣе унижаются. Оси главныхъ цѣпей идутъ цѣпи втораго класса, которыя также производятъ другія меньшія цѣпи.

Что же скажу о Вулканахъ, о сихъ ужасныхъ огнедышущихъ рпахъ, которые выбрасываютъ въ воздухъ величайшія кучи камней, металлическихъ пѣны и золу, и которыхъ боковыя опверзстія, причиняемая силою огня, изрыгаютъ рѣки расплавленнаго стекла, или лавы, разливающіяся иногда мили на двѣ шириною, протекающія цѣлыя страны, изстребляющія города, опустошающія поля, дѣлающія ихъ бесплодными на многіе вѣки, и разпространяющія вездѣ изумленіе и ужасъ? Осмѣлюсь ли я описать величественную и страшную Элну, раждающую новыя горы, и изрыгающую съ ними вмѣстѣ великія рѣки пылающаго вещества, ко-
шорыя

ему по , чего оно чрезъ пары лишилось. (*).

ВЪ

порыя дѣлають новые мысы, и принуждають море перемѣнять мѣсто своего печенія?

- (*) Нашура, увѣнчавая вѣчнымъ льдомъ обнаженные верьхи горъ, изготавила неизчерпаемая водохранишельница, долженствующія всегда снабжать водою большія рѣки, копорыя опъ шого могутъ выдерживать наидолгсвременнѣйшія засухи. На сіи огромные ледники, висящіе, такъ сказать, въ вышнихъ слояхъ атмосферы, совсѣмъ не дѣйствуютъ тѣ причины, копорыя согрѣвають нижніе слои, и копорыя ускорили бы таяніе льда въ жаркое время года. Такимъ образомъ сей ледъ таетъ только медленно и постепенно; миліоны небольшихъ ручейковъ спекають мало помалу съ поверхности льда, разогрѣваемаго солнцемъ, соединяюися въ большіе ручьи и низвергаются съ камней на камни, стремяся питать рѣки и оплодотворять поля. Напротивъ шого въ холодные дни не внѣшніе слои ледниковъ обильно снабжаютъ рѣки водою, но внутренніе или подземные. Событвенная теплота земли дѣйствуетъ всегда
- на

Въ морѣ видимъ мы острова, во всѣхъ сторонахъ разсѣянные, мѣли, подводные камни, печенія, пучины, волненія, и сіе регулярное и удивительное движеніе, которое въ сутки два раза подымаетъ и опускаетъ воду.

Вездѣ земли и моря населены растѣніями и животными, коихъ роды, безконечно разнообразны, каждому мѣсту особливо свойственны. Люди, раздѣленные на народы, селенія и семейства, занимаютъ поверхность шара. Они перемѣняютъ и обогащаютъ землю разными трудами своими, и дѣлаютъ себѣ жилища отъ одного Полюса до другаго; жилища, соответствующія ихъ нравамъ, духу, свойствамъ земли, климату, и проч. Удивительная, прозрачная эластическая сущность окружаетъ землю со всѣхъ сторонъ до нѣкоторой высоты. Сіа сущность есть Атмосфера, обиталище вѣтровъ, огромное хранилище паровъ и изпареній, которые, собираясь иногда
вѣ

на сіи слои и извлекаетъ вездѣ маленькіе ручейки, которые черезъ тысячу подземныхъ каналовъ прспекаютъ въ рѣчные изсточники, и предупреждаютъ ихъ изшощеніе.

въ толстыя или тонкія облака, украшають небо наше своими фигурами и цвѣтами, или удивляютъ насъ своимъ огнемъ и блистаніемъ; иногда же, разрѣшаясь въ росу, въ туманъ, въ дождь, въ снѣгъ, въ градъ и проч., возвращаютъ землѣ то, что изъ нее вышянуто было.

Луна, изъ всѣхъ Планетъ ближайшая къ землѣ (*), лучше другихъ и извѣстна намъ. Шаръ ея около сорока пяти разъ меньше нашего (**), и всегда показываетъ намъ одинакую плоскость, ибо она перевертывается на своей оси точно во столько времени, во сколько обходитъ кругомъ земли, кошорой она служить спутникомъ (***)).

Луна имѣетъ свои фазы, свое постепенное и періодическое приращеніе и уменьшеніе свѣта, смотря по тому положе-

(*) Луна отстоитъ отъ земли только на 86 тысячъ миль.

(**) Около пятидесяти разъ.

(***) Почти всегда одинакую плоскость; ея качаніе (mouvement de balancement) требуетъ слова почти, кошорое я здѣсь прибавилъ. Круговращеніе сего спутника совершается въ 27 дней.

ложенію, вѣ копоромѣ находится она къ солнцу, ее освѣщающему, и къ землѣ, на копорую отбрасываетъ она свѣшъ солнечной.

Кругъ луны раздѣляется изружно на блестящія и темныя части. Первыя, кажется, сходствуютъ съ землею нашего шара, а другія съ нашими морями.

Примѣчаютъ вѣ блистающихъ частяхъ, что нѣкопорыя изъ нихъ свѣшъ лѣ прочихъ, и бросаютъ вѣ спорону отъ себя тѣнь, измѣряемую и наблюдаемую вѣ разсужденіи ея хода. Сіи мѣста суть горы, копорыя выше нашихъ по величинѣ луны, и копорыхъ верхи позлащаются солнцемъ, вѣ то время, какъ луна вѣ четверти находится. Когда свѣшъ по немногу сходитъ къ подошвамъ горъ, тогда кажутся онѣ всѣ освѣщенными. Иныя горы стоятъ однѣ, иныя же сославляютъ долгія цѣпи.

(Продолженіе будетъ впрѣдѣ).

Спастьи изъ Contemplation de la Nature.

Продолженіе.

Въ нѣкоторыхъ свѣтящихся мѣстахъ примѣчаютъ родъ колодезей, гдѣ, кажется, царствуетъ глубокая тьма. Дно нѣкоторыхъ изъ сихъ колодезей, кажется, бываетъ иногда изкрещено свѣтящимися чертами.

Темныя мѣста Луны вообще кажутся весьма ровными, и въ такомъ видѣ, въ какомъ бы представились наши моря, естли бы посмотрѣть на нихъ изъ Луны; однако же примѣчаютъ въ нихъ и нѣкоторыя неровности, мѣста не столь темныя, которыя могутъ быть островами или мѣлями. Но не станемъ разспрашивать слишкомъ далеко сихъ сравненій. Когда Творецъ Натуры здѣсь на землѣ отличилъ всѣ существа одно отъ другаго, и даже самыя малѣйшія: то сколь же разнообразны должны быть тѣ черты, которыми Онъ отличилъ одинъ міръ отъ другаго (*).

Часть XVIII. Но. 16. В Вене-

(*) Изъ сего разсужденія можно ясно видѣть, что намѣреніе мое было возпреня-

Венера, такъ какъ и Луна, имѣетъ свои фазы, пятна, горы. Отъ самыхъ сихъ горъ, которыя еще гораздо выше и многочисленнѣе горъ Луны, и которыя весьма способны къ отбрасыванію солнечнаго свѣта, наиболѣе происходитъ сіяніе Венеры.

Теле-

пятна Чинашелю тошчасъ увѣришься въ существованіи сихъ лунныхъ морей; а разсужденіе сіе относится и ко всѣмъ заключеніямъ, которыя мы весьма скоро дѣлаемъ по своей землѣ о другихъ Планетахъ. Логика славнаго Гуйгенса была въ семъ случаѣ не очень строга, что можно видѣть въ его Трактатѣ о мірахъ. Весьма не вѣроятно, чтобы въ Лунѣ были моря; ибо отъ нее никакихъ паровъ не подымается. Сверхъ сего иногда видятъ дно сихъ мнимыхъ морей, чего бы никогда не случилось, если бы сіи пятна шочно были скопище воды. Славной Англійской Астрономъ почиталъ ихъ пещерами. Усовершенствованіе ахроматическихъ спеколь со временемъ можетъ быть утвердитъ мысли Астрономовъ въ разсужденіи сего предмета, такъ какъ и въ разсужденіи другихъ особенныхъ предметовъ въ тѣлахъ небесныхъ.

Телескопъ открываетъ намъ еще пятна въ Марсъ и Юпитеръ. Пятна сего послѣдняго составляютъ широкія полосы, имѣющія великое движеніе, почти такое, какое сдѣлалъ бы океанъ, разлившись по землѣ и опять вошедши въ берега.

Меркурій и Сатурнъ мало намъ извѣстны: первой для того, что онъ весьма близокъ къ солнцу, а другой для того, что весьма отдаленъ отъ онаго.

И въ самомъ солнцѣ видятъ пятна, которыя, кажется, имѣютъ правильныя движенія; величина же ихъ не только равняется, но часто и превосходитъ величину большихъ Планетъ (*).

В 2

Сіе

(*) Пятенъ въ солнцѣ иногда бываетъ великое множество. Ихъ явленія, мѣсто и время видимости, весьма не одинаковы. Постояннѣйшія изъ нихъ открыли Аспрономамъ важную истину, что солнце, сія ужасная масса свѣта и огня, почти въ 25 дней переворачивается на своей оси.

Въ разсужденіи солнечныхъ пятенъ такъ же много чаяній, какъ и въ разсужденіи лунныхъ; но и шѣ и другія равно

Сіе небесное шѣло окружено еще *атмосферою*, которая простирается по крайней мѣрѣ до нашей Планеты, и бываетъ видима по захожденіи солнца (*), такъ какъ бѣловашое и прозрачное облако, на подобіе копья; она разпространяется вкось по Зодіаку, и по тому названа *зодіаичнѣмъ сіяніемъ*.

Матерія сей атмосферы, будучи сильно привлекаема землею, и гонима къ Полюсамъ отвлекающею отъ центра силою,

равно неосновательны. Астрономы другихъ Планетъ лучше ли понимаютъ шѣ виды, въ которыхъ представляется глазамъ ихъ наша Планета? Известны ли имъ наши моря, облака, снѣгъ, сѣверное сіяніе и проч.? О видахъ нашей Планеты судяшъ они такъ же, какъ мы судимъ о видахъ ихъ Планетъ. Одинъ ученый Англичанинъ, весьма занимавшійся солнечными пятнами, почисалъ ихъ рвами. Онъ сообщилъ и методу измѣрять глубину сихъ рвовъ; и такимъ образомъ полагалъ, что пятно, примѣченное въ солнцѣ въ Декабрѣ 1769 года, глубиною было по крайней мѣрѣ полторы тысячи Французскихъ миль.

- (*) Въ концѣ зимы и въ началѣ весны, или осенью передъ зарею.

лою, стремится въ верхніе слои воздуха; и не отъ нее ли происходитъ *сѣверное сіяніе* (*), котораго странно перемѣшенные столпы, свѣплые лучи, разноцвѣпныя дуги, освѣщаютъ и украшаютъ долгія ночи жипелей Полюса?

Г Л А В А V.

Множество Міровъ.

Естьли бы шары, которыхъ величина равняется, или даже и превосходитъ величину нашей Планеты; естьли бы шары, вертящіеся, подобно землѣ, кру-

В 3

гомъ

(**) Вотъ изящная гипотеза разумнаго и почтеннаго Мерана, которой доказалъ ея согласіе съ астрономическими примѣчаніями, служившими ему основаніемъ. Въмѣсто сей гипотезы приняли нынѣ другую, основанную на ученіи электрической силы, и утверждающъ, что сѣверное сіяніе есть ничто иное, какъ электрическое явленіе. Наши Электризаторы поступаютъ еще далѣе: они стараются подражать Натурѣ въ своихъ кабинетахъ, и производятъ сами сѣверное сіяніе въ шарахъ, извлекая изъ нихъ воздухъ.

гомъ солнца и на своей оси; естли бы шары, которые суть общіе центры обращенія одной или нѣсколькихъ лунъ; естли бы шары, въ которыхъ примѣчаемъ разныя вещи, подобныя видимому на землѣ нашей; естли бы сіи шары, говорю я, были необитаемы: шо какое бы могло быть ихъ назначеніе, ихъ цѣль (*)?

Сколь

(*) Я удивляюсь, что человекъ съ великими дарованіями могъ въ наши времена ошѣшествовать на сей вопросъ: не знаю. Не менѣе удивляюсь и шѣмъ сомнѣніямъ, которыя самой же сей человекъ нѣходитъ въ разсужденіи множества міровъ, ссновываясь на трудности представить себѣ, чпсбы можно было существовать жителямъ въ Планетахъ, неиѣкщихъ атмосферѣ, или въ шаккой премѣннсей Планетѣ, какъ Юпитерѣ, или въ шакихъ, которыя, подобно Кометамъ, подвержены высочайшимъ градусамъ холода и жара, какъ будто бы Творецъ міровъ въ своей премудрости не имѣлъ тысячи способовъ согласить свойства обитателей со свойствами разныхъ Планетъ, не исключая и шѣхъ, которыя, шакъ какъ Кометы, кажутся

Сколь ничтожною и недостойною
божественнаго величества Творца на-
В 4 шего

ся намъ самыми невыгоднѣйшими. Все затрудненіе состоитъ въ томъ, что у насъ всегда воображаютъ такъ хъ людей и животныхъ, какихъ мы здѣсь на землѣ видимъ. Но для чего непременно полагаютъ въ другихъ Планетахъ точно людей и животныхъ земли нашей? Если бы мы никогда не видали водяныхъ животныхъ, по развѣ бы легче было поднять намъ — и мѣ, жидкостямъ воздуха — какъ воды могутъ быть обитаемы? Лучше станемъ судить по величю разнообразію, царствующему между жителями нашего шара, о томъ, которое *Верховный Разумъ* могъ сообщить жителямъ разныхъ планетныхъ міровъ. Сколько степеней находится между человекомъ и Полипомъ! Могли ли бы мы угадать бытіе шюликаго множества живыхъ существъ, которыхъ форма и сложеніе столь много отъ извѣстнѣйшихъ намъ образцовъ отличается? Могли ли мы думать о сихъ малѣйшихъ животныхъ, по виду столь нѣжныхъ, которыя вытерпываютъ жаръ кипящей воды; и о тѣхъ не менѣе нѣжныхъ животныхъ, которыя выно-
сятъ

шего показалась бы Вселенная, естли бы она заключалась въ узкихъ предѣлахъ сей

сятъ холодъ, гораздо сильнѣйшій холода жесточайшей зимы нашей? Могли бы мы наконецъ думать о сихъ чудеснѣйшихъ маленькихъ животныхъ, кошорья, лежавъ множество лѣтъ въ пыли, и не показывая ни малаго знака жизни и движенія, могутъ быть по произволению оживотворены помощію одной капли воды? — Сколь ограниченны наши знанія! — И мы хотимъ еще по симъ ничтожнымъ понятіямъ судить о неизмѣримости и разнообразіи дѣлъ *Всемогущаго!*

Я довольствуюсь симя всеобщими разсужденіями, и не починаю за должное доказывать, какъ Юпистеръ, не смотря на великое движеніе его поясовъ, и какъ Кометы, не смотря на разное отдаленіе пушей ихъ отъ центра, могутъ быть обитваемы. Когда есть Примѣчатели въ Лунѣ, въ сей малой Планетѣ, въ кошорой, кажетъ я, царствуетъ такая постоянная тишина — хотѣлъ было сказать, вѣчное спокойствіе — и естли сіи Примѣчатели разсуждаютъ о нашей землѣ, такъ какъ судитъ о Юпистерѣ тотъ Философъ,

сей малой кучи грязи, по которой мы пресмыкаемся! Возвысимъ нашъ разумъ, расширяя предѣлы Вселенной. Звѣзды, видимыя въ телескопъ, суть безчисленны; ихъ блистаніе доказываетъ, что онѣ сияютъ свѣтомъ собственнымъ: и понеже

В 5

онѣ

сфѣ, о которомъ я говорилъ: то они конечно не подозрѣваютъ, чтобы наша Планета, которой видъ кажется имъ столь переменчивъ, была обитаема; ибо наши облака легко могутъ предсавить глазамъ ихъ виды, подобные видамъ полей Юпитеровыхъ.

Надобно удивляться Древнимъ, которые, не имѣя нашихъ астрономическихъ познаній, по остроумію своему вѣрили множеству міровъ. Извѣстно, что школа Пиеагорова и Эпикурова утверждала сіе философическое мнѣніе; и не лзя безъ удивленія читать въ Плутархѣ сіе примѣчаніе достойное изреченіе Пиеагорейца, которое проповолагаю я нашимъ новымъ противникамъ населенія Планетъ: *Полагають, что во всемъ пространствѣ только одинъ міръ находится, столь же безразсудно, какъ утверждать, что на пространномъ полѣ не можетъ вырасти болѣе одного колоса.*

онѣ еще видимы въ такомъ отдаленіи, которое несравненно болѣе отдаленія Сатурнова, но мы можемъ заключить, что онѣ всѣ суть солнца (*). Еслибы бы изъ неподвижной звѣзды посмотрѣть на наше солнце, то оно не показалось бы болѣе звѣзды. И такъ есть безчисленное множество солнцевъ; и какую бы пользу приносили онѣ, еслибы не было существъ, пользующихся ихъ свѣтомъ и теплотою? И такъ не естественно ли думать, что онѣ освѣщаютъ другіе міры, которые скрываются отъ насъ по своему великому отдаленію, и которые, такъ какъ нашъ міръ, имѣютъ свои произведенія и своихъ жителей?

Воображеніе изнемогаетъ, представляя себѣ огромность творенія. Оно ищетъ землю, и не примѣчаетъ ее; оно шепчется въ сей великой громадѣ шѣлъ небесныхъ, такъ какъ пылинка въ высокой горѣ. Кто же можетъ утверждать, что-

бы

(*) Нѣкоторые новѣйшіе Астрономы думаютъ, что самая ближайшая къ намъ неподвижная звѣзда отстоитъ отъ земли въ пять сотъ тысячъ разъ далѣе, нежели земля отъ солнца.

бы не было въ центрѣ каждаго изъ сихъ міровъ особой Системы, которая имѣетъ свое солнце, свои Планеты, своихъ спутниковъ, своихъ жипелей? Кто скажетъ, чтобы въ центрѣ каждой изъ сихъ малыхъ Планетъ не было еще соразмѣрной Системы? Наконецъ кто знаетъ шопъ пунктъ, гдѣ кончится сіе постепенное уменьшеніе?

Но возпаримъ выше, и несяся на величественныхъ крылахъ *Откровенія*, пролетимъ сіи міриады міровъ, и приближимся къ небу, гдѣ обитаетъ *Богъ*.

Возможетъ ли червь описать васъ, васъ, сіяющія *преддворія Славы Небесной*, вѣчныя жилища *Духовъ Блаженныхъ*, *Святая Святыхъ* творенія, *Свѣтъ Неприступный*, величественный престолъ *Сущаго (*)!*

ГЛА-

(*) Чтобы сославить себѣ самое высшее понятіе о пространствѣ и населеніи мірозданія, должно прочесть съ рзмышленіемъ удивительную *Систему Мира* глубокомысленнаго Ламберта, которую скорѣе можно почесть твореніемъ какого нибудь небеснаго Духа, нежели сочиненіемъ земнаго жишеля. Прошу
м.его

Г Л А В А VI.

Всёобщее раздѣленіе Существъ.

Чистые Духи, неведущественныя и раз-
умныя существа; тѣла, разшнун-
шья

моего Читателя разсмотрѣть посред-
ствомъ сего чудеснаго телескопа уди-
вительное великолѣпіе Вселенной. Сколь
же велико будетъ его восхищеніе, ког-
да онъ увидитъ тысячи — что я
говорю! — милліоны Кометъ, вертя-
щихся около нашего солнца, въ кру-
гахъ болѣе и болѣе разноцентренныхъ,
во всякихъ дирекціяхъ и наклонностяхъ!
Но какъ же умножится его удивленіе,
когда онъ увидитъ, что наше солнце
и сіи тысячи солнцевъ, называемыхъ
звѣздами, сами кружатся около цен-
тральнаго и темнаго тѣла, правящаго,
по превозходству своей массы, всѣми
сими солнцами и многочисленными ихъ
Планетами и Кометами, и паки под-
чиненнаго центральному могуществен-
нѣйшему тѣлу, котораго оно есть
только спутникъ! Только спут-
никъ. Здѣсь разумъ теряетъ
силу удивляться, и прежнее удивленіе
превращается въ оупенѣлое изумленіе.

О!

шья и твердыя сущности; *существа
сложныя*, составленныя изъ соединенія
сущ-

О! какъ такое зрѣлище могло представиться глазамъ простаго смертнаго! Не былъ ли онъ Ангелъ, принявшій на себя образъ человѣческой, или не возхитился ли до третьяго неба?
И се центральное тѣло, которому другое центральное же тѣло служитъ нѣкоторымъ образомъ только спутникомъ, само управляется центральнымъ могущественнѣйшимъ тѣломъ, а се другимъ еще превозходнѣйшимъ, и всѣ сіи милліоны Кометъ, Планетъ, солнцевъ, центральныя тѣла, одно другому подчиненныхъ и связанныхъ единственныя закономъ, наконецъ подчинены самому могущественнѣйшему центральному тѣлу, центру центровъ, всеобщему центру шворенія.

И такъ въ нынѣшнія времена мы уже узнали, что Вселенная есть точно огромная машина, составленная изъ безчисленнаго множества разной величины и плотности частей, которыя, будучи вложены одна въ другую, или сцѣплены одна съ другою всеобщимъ закономъ, тѣмъ же закономъ сцѣплены и съ главнымъ колесомъ, съ первымъ дви-
гаще-

сущности невещественной и сущности
шблесной — вошб при главные класса
сущестшб, нами видимыхб или постига-
емыхб во Вселенной.

Г Л А .

гашелемб, котораго неудобопонятная
дбшпельность пронципешб изб массы вб
массу, изб большой вб малую, сквозб
мируды Сферб . до отдаленбйшихб
концовб Вселенной.

И всб сш планешныя шбла, и всб сш
солнцы, и всб сш центральныйя шбла,
и центрб центровб, населены безчислен-
нымб множествомб безчисленно разно-
образныхб существб чувствующихб и
разумныхб, разглашающихб по всбмб
Сферамб священное *Имя Йеговы*, и рев-
носно хвалящихб величше дблб Его
и неизчерпаемая сокровищи Его силы и
премудрости.

И такб, что вб самомалбйшемб видб
представляется глазамб нашимб на зем-
номб шрбб, шб несравненно вб большемб
видб представляется намб вб странахб
небесныхб. Какб од а капля жидко-
спш наполнена движущимися шариками,
такб Система солнечная наполнена Ко-
метами, которыя безб сомбнбшя не сущб
обширныя пустышы. Разнообразя кругк
сшжб

Г Л А В А VII.

Всеобщая связь или гармонія Вселенной.

Все во Вселенной приведено въ систематической порядоѣ; во всемъ союзѣ, отношеніе, связь, сцѣпленіе. Нѣтъ ничего такого, что бы не было непосредственнымъ дѣйствіемъ чего ни есть предшествовавшаго, что бы не опредѣляло быпія какой ни есть вещи послѣдующей.

Идея

сихъ планетныхъ шѣлъ, продолжая ихъ болѣе или менѣе, склоняя во всѣ стороны, и проводя между почти совершенно круглыми планетными путями, *Верховная Премудрость* не оставила конечно ни одного пустаго мѣста въ солнечныхъ Системахъ, и населеніе мірзданія столько разпространилось, сколько оно могло разпространиться по плану творенія. Разположеніе сихъ великихъ шѣлъ было столь хорошо вычислено по пространству, времени и взаимнымъ тяжестямъ, что всѣ небесныя движенія производятся въ совершенномъ порядкѣ, *отступленія* (écart) бывающъ самыя малѣйшія, и вездѣ находящяся соразмѣрныя замѣны.

Идея входитъ въ составъ разумнаго міра, подобно какъ атома входитъ въ составъ міра физическаго. Естьли бы сія идея, или сія атома, не была взята за основаніе, тогда воспослѣдовалъ бы иной порядокъ вещей, которой произвелъ бы другія связи; а нынѣшняя Система была бы принуждена уступить мѣсто свое иной Системѣ. Ибо сія идея, или сія атома, связана съ другими идеями или атомами, а чрезъ сіи съ гораздо большими частями Цѣлаго. Естьли же кто скажешъ, что онѣ ни съ чѣмъ не имѣютъ связи, то спрошу, что будетъ причиною ихъ существованія?

(Продолженіе будетъ впредь.)

Спацьи изъ Contemplation de la Nature.

Продолженіе.

Чишашель хочетъ, чшобы я доказалъ сіе ошутительнѣе. Идея представляется душѣ нашей не иначе, какъ въ слѣдствіе движенія, въ мозгу произшедшаго — извѣстно, что всѣ наши идеи имѣють первое свое начало отъ чувствъ — сіе движеніе и само зависѣло отъ другаго движенія, связаннаго еще съ другими предшествовавшими; и рядъ всѣхъ сихъ движеній составляетъ цѣпь твоей разумной жизни, копорая по сему есть ни что иное, какъ слѣдствіе мѣста, занимаемаго шобою въ лѣзшвицѣ существъ мыслящихъ.

Какъ! скажетъ Пирронъ: сей маленькой камень, копорой вижу на берегу журчащаго ручья, связанъ со всею Натурою? Конечно; ручей оторвалъ его отъ бугра ближней горы — и потому существованіе сего камня было сопряжено съ существованіемъ ручья и горы. Образование горы, бугра, теченіе ручья, его дирекція или направленіе — все сіе опредѣлено тысячью особливыхъ обстоятельствъ, копорыя всѣ связаны со всеобщемою Теоріею нашего шара.

Но по крайней мѣрѣ, возразитъ Пирронъ, существованіе камня бесплодно; и я не вижу, какія дѣйствія могутъ произойти отъ того. Будучи претворенъ въ известь, перейдетъ онъ въ сущность расщѣнія, изъ расщѣнія въ живошное, или войдетъ можешь быть въ кабинетъ любопытнаго человѣка, которой черезъ него узнаешь истинное произхожденіе камней; а сіе открытіе поведетъ его къ другимъ важнѣйшимъ, которыя усовершенствуютъ общую Физику. Первой кусокъ янтаря, въ которомъ узнали электрическую силу, не былъ ли первымъ кольцомъ сей прекрасной цѣпи опытовъ, въ которой на другомъ концѣ нашли мы причину грома? Какая же видимая связь между кускомъ янтаря и громомъ? Можно ли было мудрецамъ древности угадать всѣ среднія кольца сей цѣпи? Сколько же есть такихъ колецъ, которыхъ мы не знаемъ!

Не станемъ въ томъ сомнѣваться. *Вышній Разумъ* столь тѣсно связалъ всѣ части Своего творенія, что нѣтъ ни одной, которая бы не имѣла сношеній со всею Системою. Грибъ и сырной червь такъ же входящъ въ сію Систему, какъ кедръ и слонъ.

Всѣ сіи малыя произведенія Натуры, почиаемыя немыслящими людьми совсѣмъ безполезными, никакъ не суть вылинки на колесахъ машины міра; нѣтъ, онѣ сами суть маленькія колесца, вставленныя въ колеса большія.

И такъ различныя существа, особливо свойственныя каждому міру, могутъ быть почиаемы за столько же особливыхъ Системъ, присоединенныхъ къ главной Системѣ разными отношеніями; а сія Система сама прицѣплена къ другимъ пространнѣйшимъ Системамъ, которыя въ совокупности составляютъ всеобщую Систему.

И такъ нѣтъ ничего *отдѣльнаго* (d'isolé). Каждое существо имѣетъ собственную свою дѣятельность, а сфера сей дѣятельности опредѣлена тою степенью, которую надлежало ему занять во Вселенной. Сырной червь есть самой малой двигатель, содѣйствующій съ другими двигателями, которыхъ дѣятельность разпространяется на большее разстояніе. Такимъ образомъ сферы болѣе и болѣе разпространяются, и сія чудесная прогрессія постепенно возвышается, отъ вихря амбры до вихря солнечнаго,

отъ сферы сырнаго червячка до сферы Ангела.

Спихіи дѣйствуютъ взаимно одна на другую, по нѣкопорымъ законамъ, производящимъ отъ ихъ отношеній; а сіи отношенія связываютъ ихъ съ минералами, расшѣніями, живошными и съ человѣкомъ; сей человѣкъ, шакъ какъ главной шволѣ дерева, разпускаетъ вѣшви свои по всему шару.

Роды и единицы (Individus) имѣютъ отношеніе къ величинѣ и швердосши земли. Величина и швердосшь земли имѣетъ отношеніе къ мѣсту, которое она занимаетъ въ планешной Системѣ.

Солнце дѣйствуетъ шяжесшію своею на Планешы, а Планешы на солнце и одна на другую. Всѣ купно дѣйствуютъ на ближайшія Системы, а сіи на отдаленнѣйшія, и вѣсы Вселенной пребываютъ въ равновѣсіи, будучи держимы *Рукою Иэконн. Суцэго.*

Физическое связывается съ нравственнѣмъ, нравственное съ физическимъ. То и другое имѣютъ послѣднимъ своимъ предметомъ блаженство существъ разумныхъ.

Уже ли разумъ не познаетъ отношеній глаза ко свѣшу, уха къ воздуху, языка къ солямъ?

Душа человѣческая, соединенная съ органическимъ тѣломъ, посредствомъ сего тѣла имѣетъ сообщеніе со всею Природою.

Отъ сихъ всеобщихъ началъ происходитъ сцѣпленіе причинъ съ дѣйствіями, и дѣйствій съ причинами.

Отъ сего происходитъ еще и сей неразрушимый союзъ, копорой дѣлаетъ изъ прошедшаго, настоящаго, будущаго и вѣчности единое бытіе, одно нераздѣльное Цѣлое.

Отъ сношеній, копорыя находятся между всѣми частями міра, и по копорымъ онѣ всѣ стремятся ко всеобщему предмету, происходитъ гармонія сего міра.

Отношенія, связующія всѣ міры, составляютъ гармонію Вселенной.

Красота міра основывается на гармонической разнообразности существъ, его составляющихъ, на числѣ, на пространствѣ, на качествахъ ихъ дѣйствій, и на сложности щастія, отъ того произтекающаго.

ШЕВАЛЬЕ де ЛОРДА,

ИЛИ

Геронзмъ Мужества и Человѣколюбія ().*

Всякой день — о чемъ уже я говорилъ съ прискорбіемъ — повѣствуютъ намъ съ возторгомъ о великихъ дѣяніяхъ, почерпнутыхъ изъ Греческой и Римской Истори, а нѣкоторой родъ неблагоприятнаго молчанія въ наши времена предастъ забвенію память удивительныхъ дѣлъ, которыя, можетъ быть, превозходятъ и всѣ древнія. Отъ чего же происходитъ сіе столь несправедливое предразсужденіе? Отъ того, что зависть отвергаетъ всѣ предметы сравненія, могущіе ее зашмишь, и весьма къ ней близкіе; отъ того, что человѣкъ рождается завистливъ, и что гордость его старается отдалить отъ себя достоинство, которое онъ принужденъ признавать въ сердцѣ своемъ. По крайней мѣрѣ не чувствуемъ онъ того стыда, въ которой привело бы его настоящее превозход-

(*) Изъ *Délassemens de l'Homme sensible.*

ходство; отдаленность прошедшаго ослабляетъ блескъ, несносной для его зрѣнія, оскорбляющій его самолюбіе. Душа, питающаяся правилами испины и добродѣтели, возносится выше сихъ низкихъ слабостей, сродныхъ человѣческому роду; и не только не удаляетъ отъ себя образъ, могущій пронуть ея самолюбіе, но еще съ удовольствіемъ приближаетъ его къ себѣ, и возноситъ его, шакъ сказать, на подножіе Славы. Какой честной человѣкъ изъ нашей націи не захочетъ спасти отъ забвенія изящное дѣйствіе Шевалье д'Асса, и кто съ такимъ же удовольствіемъ не воздастъ хвалы славному дѣлу Шевалье де Лорда?

Сей почтенія достойной Офицеръ находился въ прошедшую войну на одномъ фрегатѣ, въ которой, послѣ долговременнаго сраженія, со всѣхъ сторонъ пошла вода. Опасность умножалась, и фрегатъ сталъ опускаться ко дну. Шевалье не находилъ тогда инаго средства ко спасенію, какъ броситься въ море, — и бросается. Подлѣ него плылъ мапрозъ. Сей великодушной человѣкъ, бывъ свидѣтелемъ опасности, въ которой находился Шевалье, подплылъ къ нему ближе. — „Я вамъ не дамъ погибнуть, господинъ

Офицеръ, говорилъ матрозъ: море мнѣ знакомѣе вашего; положишься на мою опытность и мое усердіе; мы конечно выдемъ изъ бѣды. „ . . . Сказалъ, и въ ту же минуту вскинулъ себѣ на плеча *Г. Лорда*.

Берегъ былъ отъ нихъ далѣе мили. Казалось, что погода хопѣла непременно преодолѣть ихъ усиліе; море волновалось; бѣдной матрозъ, будучи столько обремененъ, изтощалъ всѣ силы свои. „Положишься на меня, говорилъ онъ Офицеру: мы побѣдимъ бурю; мы доплывемъ до берегу. Смощришѣ, держишься только крѣпче; не свалишься съ меня, „

Сей доброй человекъ надѣялся на свое мужество и благородное рвеніе спасти Офицера. Онъ старался бороться со злобнымъ рокомъ, которой силился лишить его славы великодушнаго дѣла. Наконецъ онъ ослабѣлъ. *Г. Лорда* примѣшилъ сіе. — Скажи мнѣ, другъ мой, спросилъ Шевалье, и скажи правду: можешь ли ты плыть далѣе? Матрозъ не отвѣчалъ ничего; старался собрать всѣ силы свои, и все еще плылъ, — но по помѣ остановился. „Ахъ! сказалъ онъ дрожащимъ голссомъ: силы мои — силы мои, кажеи-

кажется, изпощились . . . Боже мой! уже ли мы погибнемъ!», — Шевалье перервалъ рѣчь его: а можешь ли ты одинъ спастись? Матрозъ опять не отвѣчалъ ни слова, и снова силился плыть, — но тщетно. Говори, говори! продолжалъ Шевалье. „Можетъ быть, отвѣчалъ матрозъ — внутреннее ощущение принудило его сказать сіе — но „ . . . Шевалье болѣе ничего не слушалъ; тотчасъ пустилъ его — хотя матрозъ и старался его удержать — отдѣлился отъ него, и боролся нѣсколько времени съ волнами. Матрозъ къ нему приблизился; но Г. Лорда отштолкнулъ его и — въ волнахъ сокрылся.

Матрозъ благополучно доплылъ до берега. Онъ еще и по нынѣ со слезами рассказываетъ сіе жалкое происшествіе. Да будущъ же листы мои памяникомъ онаго! Да включится сіе дѣйствіе въ число дѣлъ истиннаго мужества и человеколюбія!

И С Т О Р І Я

С Л Ъ П А Г О ,

Получившаго зрѣніе.

Зрѣніе есть такое чувство, которое требуетъ многихъ знаній и заключеній души, естли хопимъ имѣть надлежащее понятіе о видимыхъ нами вещахъ. Но какъ мы отъ младенчества къ оному привыкаемъ, и нужное къ тому знаніе приобрѣтаемъ мало помалу, то зрѣніе спановится наконецъ для насъ столь легкимъ дѣйствіемъ, что мы совсемъ не чувствуемъ заключеній, дѣлаемыхъ при томъ душою нашею. Но сколько опышовъ попребно къ наукѣ совершенно видѣть, сіе показывается намъ лучше всего Исторія шѣхъ людей, которые во всю свою жизнь были слѣпы, и по томъ вдругъ получили зрѣніе. Мы расскажемъ шеперь исторію одного Англичанина, ослѣпнувшего въ самыхъ дѣтскихъ лѣтахъ отъ бѣльма, которое на четырнадцатомъ году у него прорѣзали, послѣ чего онъ сталъ опять совершенно видѣть.

Бѣль-

Бѣльмо не совсѣмъ ослабило сего ребенка, такъ что онъ чувствовалъ еще блескъ лучей солнечныхъ, и при ясномъ свѣтѣ могъ нѣкоторымъ образомъ различать цвѣты. Когда у него бѣльмо прорѣзали, и онъ сталъ видѣть, то никакъ не могъ представить себѣ, чтобы видимыя имъ вещи были такъ удалены отъ глазъ его; ибо онъ воображалъ, что всѣ предметы прикасались къ его глазамъ, подобно какъ рука его прикасалась къ осязаемой имъ вещи. Всего лучше нравились ему тѣ вещи, которыя были гладки и регулярны, хотя и не могъ онъ судить о ихъ образѣ, ниже опредѣлить того, что въ предметѣ было ему приятно. Фигуры вещей были ему совсѣмъ неизвѣстны; никакого предмета не могъ онъ отличать отъ другаго, сколь бы они ни различались видомъ и величиною. Но когда ему указывали тѣ вещи, которыя прежде были ему извѣстны по осязанію, то обыкновенно разсматривалъ онъ ихъ съ великимъ вниманіемъ, чтобы послѣ знать оныя. Но ему надлежало узнавать множество предметовъ вдругъ; и потому онъ опять многое забывалъ, и, по собственнымъ словамъ его, въ первые дни узнавалъ и опять забы-

забывалъ тысячи вещей. Забывая нѣ- сколько разъ, какое животное называ- лось собакою, и какое кошкою, спыдил- ся онъ о томъ спрашивать. Однажды, схвативъ кошку, которую зналъ по ося- занію, смотрѣлъ на нее долго и при- спально, и, пустивъ ее, сказалъ: *хоро- шо — я уже тебя буду знать*. Весьма дивился онъ тому, что самые любезнѣй- шіе ему предметы не казались глазамъ его самыми пріятнѣйшими; ибо онъ ду- малъ, что тѣ люди, которые были ему всѣхъ милѣе, покажутся ему лучшими, и что пріятнѣйшія для его вкуса вещи будутъ и для его зрѣнія пріятнѣйшими. Надѣялись, что онъ конечно угадаетъ предметы, изображенные на картинахъ; но въ семъ ошиблись: ибо уже черезъ два мѣсяца послѣ его совершеннаго прозрѣ- нія узналъ онъ, что сіи картины пред- ставляютъ разныя тѣла, почитая пре- жде сіи изображенія за однѣ плоскости, разпещренные разными красками. Но сіе открытіе привело его въ новое изум- леніе; ибо онъ думалъ, что изображеніе предметовъ можно такъ же осязать, какъ и самые предметы. Онъ весьма удивлялся, что тѣ вещи, которыя онъ свѣта и тѣней своихъ кажутся круглы- ми

ми и неровными, въ осязаніи бываютьъ такъ же плоски, какъ и прочія; и по-тому спрашивалъ, которое чувство обманывается: осязаніе, или зрѣніе?

Когда показали ему миніашюрной портретъ его отца, которой мать его носила на часовой цѣпочкѣ, и сказали, что сей портретъ изображаетъ: то онъ тотчасъ нашелъ сходство, но не могъ понять, какъ можно большое лице изобразить на такомъ маломъ пространствѣ. *Этому бы я такъ же не повѣрилъ, сказалъ онъ, какъ и тому, чтобы четверть хлѣба можно было всыпать въ четверикъ.*

Сперва не могъ онъ вдругъ обозрѣвать многихъ предметовъ, и видимые имъ почипалъ весьма великими; но увидѣвъ большія вещи, представлялъ себѣ меньшими шѣ, которыя прежде видѣлъ. *Знаю, говорилъ онъ, что комната, въ которой живу, составляетъ только часть дома; но не могу себѣ представить, чтобы цѣлой домъ казался болѣе моей комнаты.* Будучи еще слѣпъ, не ожидалъ онъ отъ зрѣнія великой пользы, кромѣ возможности читать и писать, и по тому не хотѣлъ подвергнуться опасной операціи. Онъ не думалъ найти большаго удовольствія въ шомъ,

томъ, чтобы ходишь по разнымъ мѣстамъ; а былъ доволенъ и тѣмъ, что могъ свободно гулять по своему саду. Онъ зналъ ту выгоду слѣпоты своей, что въ темнотѣ могъ ходишь гораздо лучше всѣхъ видящихъ людей; а сей способности не скоро лишился онъ и по своемъ прѣзрѣніи, и никогда не требовалъ свѣта, если ему надобно было ночью итти куданибудь въ своемъ домѣ. Всякой новой предметъ приносилъ ему новую радость; и удовольствіе его было такъ велико, что онъ не находилъ словъ къ изъясненію онаго. Оператора почиталъ онъ своимъ благодѣтелемъ, и долго не могъ его видѣть безъ радостныхъ слезъ и другихъ знаковъ любви. Когда Операторъ за чѣмънибудь не могъ прийти къ нему въ назначенное время, то онъ отъ великой горести проливалъ слезы.

Черезъ годъ послѣ щастливой операціи привели его на *Эпсонскіе холмы*. Тутъ открылись ему разные виды, которые привели его въ восхищеніе. Возможность обозрѣвать вдругъ множество отдаленныхъ предметовъ называлъ онъ *новымъ родомъ зрѣнія*.

ВЕСЕННЯЯ ПѢСНЬ МЕЛАНХОЛИКА.

Зима свирѣпая исчезла,
Исчезли мразы, иней, снѣгѣ;
И мракѣ, все въ мірѣ покрывавшій,
Какѣ дымѣ разсѣялся, исчезѣ.

Не слышимѣ рева вѣтровѣ бурныхѣ,
Спрашившихѣ спранника въ пуши;
Не видимѣ тучѣ тяжелыхѣ, черныхѣ,
Текущихѣ съ Сѣвера на Югѣ.

Весна съ улыбкою приходитѣ;
За нею слѣдомѣ мирѣ печетѣ.
На персяхѣ нѣжныя Природы
Играетѣ, рѣзвится Зефирѣ.

Дождѣ тихій съ неба къ намѣ ліется
И все твореніе живитѣ;
Вѣ поляхѣ всѣ травы зеленѣютѣ,
И лугѣ цвѣтами весь покрывѣ.

Уже фіялка разпустилась,
Смиренно подѣ кустомѣ цвѣшетѣ,
Амброзіей пипаетѣ воздухѣ;
Не ждя похвалѣ, благотворитѣ.

На вѣтвяхѣ пшички воспѣваютѣ
Хвалу всещедрому Творцу;
Любовь ихѣ пѣсни соглашаетѣ,
Любовь сердца ихѣ веселитѣ.

Овечки кропкія гуляюшѣ
И щиплюшѣ правку на лугахѣ;
Вѣ сердцахѣ любовь кѣ Творцу пишаюшѣ —
Безѣ словѣ Его благодаршѣ.

Пастухѣ играешѣ на свѣрѣли,
Лежа безпечно на травѣ;
Пишаясь духомѣ благовоннымѣ,
Онѣ хвалитѣ красоту весны.

Вездѣ, вездѣ сіяешѣ радость,
Вездѣ веселіе одно;
Но я, печалью оплгченный,
Брожу уныло по лѣсамѣ.

Вѣ лугахѣ печаль со мною бродитѣ.
Смотря вѣ ручей, я слезы лью;
Слезами воду возмущаю,
Волную вздохами ее. —

Творецѣ премудрый, милосердый!
Когда придетѣ весна моя,
Зима печали удалитѣся,
Разсѣетѣся душевный мракѣ?

АРКАДСКОЙ
ПАМЯТНИКЪ.

СЕЛЬСКАЯ ДРАМА
съ пѣснями
въ одномъ дѣйстви.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ПАЛЕМОНЪ, старой пастухъ.

ЛИЗИАСЪ, молодой Спаршанецъ.

ЭВФЕМОНЪ, Аркадской пастухъ.

ДАФНА, Лизіасова невѣста.

ЭВЕРГЕТА, жена Эвфемонова.

ЛАВРА, }
ДОРИСЪ, } дочери Эвфемоновы.

Дѣйствіе въ Аркадіи.

АРКАДСКОЙ
ПАМЯТНИКЪ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Лизіасъ, Дафна.

Лизіасъ.

Конечно мы съ тобою
Въ Аркадію пришли;
Любезнѣйшая Дафна!
Здѣсь вѣчная весна
Въ долинахъ зеленѣетъ;
Здѣсь крошкой вѣшерокъ
Колеблетъ воздухъ свѣжій,
Безъ перна цвѣтъ растетъ,
И небо чисто, ясно.
Конечно мы съ тобой,
Любезнѣйшая Дафна,
Въ Аркадію пришли.

Дафна.

Ахъ, Лизіасъ! мы вѣрно
Въ Аркадіи теперь.
Здѣсь все покойно, мирно.
Гармонія пѣвцевъ,
Поющихъ на кусточкахъ,

Въ возторгѣ приводишь насъ.
Они, не зная страха,
На встрѣчу къ намъ лепяшъ.
Ахъ, Лизіасъ! мы вѣрно
Въ Аркадіи теперь.

В м ъ с т ѵ .

Будьте вы благословенны,
Вы, долины и луга,
Гдѣ вовѣки обитаютъ
Добродѣшель и покой!
Примите насъ, долины,
Примите нѣжно насъ,
И укройте съ лаской юность!
Мы пришли сюда искать
Щастья, вольности, покоя.
Намъ любовь, кончая жизнь,
Щастья здѣсь искать велѣла,
Щастья, мира, пишины.

Д а ф н а .

Добродѣтельная Аканпа, сказавъ,
что я только въ Аркадіи могу быть
щасплива, конечно насъ не обманула.
Какое великолѣпное зрѣлище открывает-
ся со всѣхъ сторонъ! Вездѣ блистаютъ
Нашура избраннѣйшими своими сокрови-
щами, и для каждого чувства пригото-
вляетъ богачее пиршество. Мнѣ кажет-
ся,

ся, что я дышу здѣсь гораздо чистѣйшимъ воздухомъ. Совсѣмъ необыкновенныя чувства разливаются у меня въ сердце; возшоргъ, сладостное упоеніе Ахъ, добродѣтельной юноша! какъ я тебѣ благодарна, что ты исполнилъ мое желаніе и привелъ меня сюда!

Лизіасъ.

Но исполнишь ли шеперь и мое желаніе, любезная Дафна? Вѣдь ты помнишь, что мнѣ обѣщала?

Дафна.

Руку мою? Не правда ли? — Ахъ, другъ мой! могу ли чѣмъ нибудь мало-важнѣйшимъ наградить тебя за то, что ты оставилъ для меня свое опечесство?

Лизіасъ.

А сердце твое? — Ахъ, Дафна! можешь ли ты наградить меня чѣмъ нибудь важнѣйшимъ?

Дафна.

Сердце давно уже отдано тебѣ за твои добродѣтели. Развѣ ты эшова не знаешь?

Лиэіасъ.

Для чего же — никогда еще не осмѣливался я хорошенько спросить тебя о томъ — для чего ты въ самой Спартѣ не хотѣла мнѣ вмѣстѣ съ сердцемъ дать руки своей?

Дафна.

Для испытанія твоей любви ко мнѣ.

Лиэіасъ.

Развѣ бы я не пошелъ уже съ побою на край свѣта, когда бы ты увѣнчала любовь мою? Не уже ли ты этова боялась?

Дафна.

Нѣтъ, я боялась отсрочки. Скажи мнѣ юноша, какъ бы я, ставъ твоею, могла тебя въ чемъ нибудь не послушаться?

Лиэіасъ.

А какъ же бы и я могъ тебя не послушаться и не исполнить твоего желанія, какъ бы скоро узналъ его? — Вѣдь я знаю, что мать твоя Аканѣа хотѣла этова.

Даф-

Д а ф н а.

Мать моя, говоришь ты? Такъ знай же, что Аканша была мнѣ не мать.

Лизіасъ.

Не мать?

Д а ф н а.

Нѣтъ, однакожь я обязана была любить ее, какъ мать свою; потому что она вознишывала меня съ такою нѣжною попечительностію, съ такимъ неусыпнымъ стараніемъ — —

Лизіасъ.

Да кто же она была? и откуда?

Д а ф н а.

Изъ Аркадіи. Въ послѣднее нападеніе Спартанцевъ на безоружныя Аркадіскія долины была она уведена отсюда вмѣстѣ съ другими плѣнниками. Она вышла за мужъ за похитителя своего, болѣе по принужденію, нежели по избравію; а по прошествіи пятнадцати лѣтъ смерть мужа ея освободила ее отъ брачныхъ узъ.

Лизіасъ.

Какое чудо! А я всегда почиалъ тебя Аканшиною дочерью.

Д а ф н а.

И я такъ думала; потому что съ самаго того времени, какъ начала себя чувствовать, не помню ни одной женщины, которая бы меня такъ любила, какъ она, и которую бы могла я почесть своею матерью. Иногда носится въ моихъ мысляхъ какой-то образъ, которой приводитъ сердце мое въ несказанное сладостное движеніе, и въ такомъ случаѣ кажешься мнѣ, будто я его когда-то видала, можетъ быть въ самыхъ первыхъ лѣтахъ дѣтства; но подлинно не знаю, что это такое: одна ли мечта сновидѣнія, или память моя старается опять возобновить существенной образъ, заглаженной временемъ. — Но будемъ говорить объ Аканшѣ. Поздо уже настало время свободы ея. Будучи снѣдаема тайною горестію, она должна была оставить ту сладкую надежду, которая ободряла ее во время неволи — надежду увидѣть опять любезныя свои долины; а это ускорило конецъ ея.

Л и з і а с ъ.

И такъ она не долго жила по смерти мужа своего?

Д а ф н а .

Только десять горестныхъ мѣсяцевъ. День отъ дня слабость ея увеличивалась; и въ самой потѣ часъ, какъ свѣщильникъ жизни ея готовъ былъ погаснуть, она подозвала меня къ постелѣ своей, и перерывающимся голосомъ сказала мнѣ: Дафна! я приняла на себя имя маперишвоей только для того, чптобы мужъ мой любилъ тебя; ты дочь любезнѣйшей моей пріятельницы. — По потѣ говорила она:

Естьли боги присудили
Быть здѣсь щасливой тебѣ,
То въ Аркадіи ты можешь
Щастье, миръ, покой найти.
Тамъ опять найти ты можешь,
Что теряешь здѣсь во мнѣ.

Она хотѣла говорить болѣе, но смерть отняла у нее языкъ, и покрыла мракомъ глаза ея, кошорые она нѣсколько разъ съ потскою на меня успремляла. Молча пожала она руку мою, и скончалась.

Л и з і а с ъ

И во всю жизнь свою не говорила тебѣ ничего шакого, почему бы мож-

но было догадаться, кто были родители твои, и где тебя искать их?

Д а ф н а.

Ничего. Она говаривала только объ одномъ отечествѣ своемъ; и сердце ея только имъ занималось, что Аркадія была у нее всегда на языкѣ. Тамъ только, говорила она, только въ этой радостной странѣ можно еще найти истинное благополучіе.

Богатой тамъ всегда умѣренъ,
Доволенъ бѣдной, и въ трудахъ
Тамъ всякой веселъ и покоенъ.
Тамъ вѣрны, нѣжны всѣ въ любви.
Тамъ старый молодецъ, бодръ весельемъ;
А юный нравомъ, духомъ старъ.
Тамъ нѣтъ вражды, коварства, злобы.
Златое время тамъ течетъ.

Коротко сказать, въ Аркадіи царствуетъ простота, невинность и радость. — Такими прелестными изображеніями сердце мое плѣнилось, и я внутренно рѣшилась не выходить за мужъ ни за какого юношу безъ того, чтобы онъ не далъ мнѣ слова проводить меня въ щасливую Аркадію. Тебѣ извѣстно, что

что съ моей стороны не было инаго условія, когда ты за меня спалъ свашься.

Лиэіасъ.

Оно исполнено, любезная Дафна!
Для тебя осшавилъ я свое отечество,
Спаршу.

Дафна.

Однакожь ты не разкаиваешься?

Лиэіасъ.

Ахъ! когда бы добродѣшель
Нашихъ предковъ и опцевъ
И понынѣ напрягала
Мышцы нашихъ согражданъ,
Въ нѣгѣ, въ розкоши ослабшихъ;
Ахъ! когда бы гражданинъ
И шеперь еще Героемъ,
Патріотомъ умиралъ:
Я тогда бы могъ стыдиться,
Могъ разкаяться, шужить.

Но когда порокъ въ тирановъ
И въ рабовъ ихъ превратилъ;
И когда любовь къ корысти,
Злоба, бунты, заговоръ,
Вольность въ узы заключающъ:
Ахъ! могу ли я тогда
Псжалѣть, оставя Спаршу,
И разкаяться въ душѣ?

Но

Но могъ ли бы я и въ самыхъ щасливѣйшихъ обстоятельствахъ разкаяться въ томъ, когда ты будешь моею наградою? — Ты, любезная Дафна! — Но когда же — когда?

Д а ф н а.

Всякую минушу. При первомъ олтаре, посвященномъ Пану, поклянусь я быть твоею. Для щастія любви нашей пошребно благословеніе боговъ.

Л и з і а с ъ.

Правда, что для успѣха каждаго дѣла пошребно благословеніе боговъ. И конечно они благословятъ любовь нашу. Ты прекрасна, и еще болѣе, нежели прекрасна — ты! добродѣтельна. Ахъ, какъ я щасливъ!

Д а ф н а.

Какъ и я щаслива! пошому что и ты добродѣтеленъ.

Л и з і а с ъ.

Но не ищи ли намъ къ эшимъ щасливымъ жижинамъ, и не познакомишься ли съ жителями, чтобы они указали намъ мѣсто олшарей своихъ?

Д а ф н а.

Д а ф н а.

Съ радостію. Естли они шакъ добры, какъ Аканша говорила, шо имъ надобно радовашся нашему благополучію; пошому что добрые люди всегда веселяпся радостію другихъ, и гостепріимство, сказывають, ни гдѣ шакъ не наблюдаешся, какъ здѣсь.

Лизіасъ.

Однакожь будемъ нѣсколько поосторожнѣе.

Д а ф н а.

А что?

Лизіасъ.

Пятнашцать лѣтъ, говоришь ты, Аканша не была въ Аркадіи. Морозъ можешъ въ одну ночь побить самые прекраснѣйшіе цвѣты, а заразительной пороку можешъ въ малое время перемѣнить народныя нравы. Подумай о моемъ опечесствѣ — о Спарта! зачѣмъ называю себя шакимъ именемъ!

Д а ф н а.

Не бойся ничего; я полагаюсь на предчувствіе сердца свѣго — на шайное движеніе, шуда меня влекущее.

Лизі-

Лизіасъ.

По крайней мѣрѣ позволъ мнѣ иппи напередъ, и поискашь кого нибудь изъ жипелей. Можетъ бытъ угадаю по виду и словамъ его, какого приема намъ здѣсь ожидашь надобно. Между шѣмъ шы можешь укрыться здѣсь вѣ лѣсу. Я пойду только за эпощъ кустарникъ, кошорой закрываетъ отъ насъ часть хижинъ.

Дафна.

Хорошо. Только поскорѣе приходи назадъ.

Лизіасъ.

Какъ голубь, кошорой лепитъ назадъ къ своей голубкѣ.

(Уходитъ).

Я В Л Е Н І Е II.

Дафна одна.

Добродушной Лизіасъ! — Какъ онъ спарается о моемъ щастіи! Любовь дѣлаетъ его боязливымъ; а между шѣмъ онъ забываетъ, что безъ него могло бы
мнѣ

мнѣ бытъ еще спрашнѣ. Однакожь въ
этой спокойной долинѣ не чего бояться.

Гдѣ нравы просты, пихи, крошки;
Гдѣ въ сельскихъ хижинахъ живущѣ,
И любящѣ воздухомъ питаться;
Гдѣ пища состоитъ въ плодахъ,
И гдѣ руно одеждой служишь:
Невинность безопасна шамъ.

Но гдѣ во мраморныхъ чершогакъ
Со скукой празднось жизнь влачитъ;
Гдѣ червь Индійскій естъ одежда;
Куда изъ Тира пурпуръ шлютъ;
Гдѣ алчность къ злату горы роетъ:
Невинность шамъ спрашисъ всего!

Кажется — кажется, что въ ку-
стахъ слышу я шумъ. — Тише! —
Шорохъ приближается. — Я спрячусь
за дерево, и посмотрю, кто это.

(Прячется за кустъ)

(Продолженіе будетъ впредь)

В З Д О Х Ъ.

Мѣсяцъ возходишь, мѣсяцъ прекрасный,
Тихій, любезный спутникъ земли;
Сребряный, ясный свѣтъ изливаешь,
Нѣжно блистаешь въ чистыхъ водахъ.

Въ щасшіи, въ мирѣ, въ шихомъ весельѣ,
Я наслаждался свѣтомъ швоимъ,
Мѣсяцъ прекрасный! здѣсь съ Альциндоромъ
Въ роцѣ дубовой ночью сидѣвъ.

Чувства изъ груди въ грудь преливались,
Нѣжныя чувства дружбы, любви.
Нѣтъ Альциндора! . . . Тисы надъ гробомъ
Юнаго друга помно шумяшъ.

Ш. Ш. Ш. Ш. Ш. Ш. Ш. Ш.

АРКАДСКОЙ ПАМЯТНИКЪ.

Продолженіе.

Я В Л Е Н І Е III.

*Лавра и Дорисъ, неся въ ру-
кахъ корзинки
съ цвѣтами.*

Л а в р а.

Цвѣточикъ милъ въ лугахъ,
Когда росою утра
Бываетъ окропленъ;
Когда днемъ юнымъ, яснымъ,
Бываетъ позлащенъ
Но онъ тогда милѣе,
Когда въ полдневный жаръ,
Головку разпустивши,
Пестрѣетъ какъ звѣзда.

(Смотритъ на цвѣточикъ.)

Д о р и с ъ.

Но онъ еще милѣе,
Когда престанетъ лучъ
Блещащаго свѣшила
Палишь его огнемъ;
Когда прохладный воздухъ
Бальзамомъ напоенъ;
Когда зефиры дышуть,

И пурпуръ на него
Дыханьемъ навѣваютьъ.

Посмотри, какъ прекрасно все во-
кругъ насъ блистаетъ! Какъ все хорошо
пахнешъ! — Мнѣ право кажется, что
вечеру, когда заходитъ солнце, всѣ ви-
ды бывающъ прекраснѣе, нежели по-
утру.

Л а в р а:

А я лучше люблю утро. Когда
вдругъ всѣ поля, покрытыя мракомъ,
въ чистѣйшемъ свѣтѣ представляются гла-
замъ нашимъ; когда дремавшая Природа
пробудится и снова придетъ въ движе-
нiе, и все, на что ни взглянешъ, ожи-
ветъ и возрадуется; когда весь хоръ ма-
ленькихъ сладкогласныхъ пшичекъ, сидя-
щихъ по кусточкамъ, пристанетъ къ
крошкой пѣсни парящаго жаворонка — —

Д о р к с ъ.

А когда послѣ жаркаго дня прибли-
жится сладостной вечеръ и прольетъ на
все нѣжную прохладу; когда подъ шикой
шепачъ осинника и шопола и подъ жур-
чанiе ручья запоетъ соловей громкую ве-
чернюю пѣснь свою; когда стада пропя-
нушся внизъ по пригорку, благосвонными
шравами усѣянному — —

Л а в р а.

Такъ мы обѣ правы, миленькая сестрица. Каждое время въ супкахъ имѣетъ свои пріятности; всякое любезно и сладостно, и наполняетъ сердце благодареніемъ и радостію.

Д о р и с ъ.

Правда, правда, любезная Лавра. Поутру буду я съ собою хвалишь ушро, а ввечеру хвали со мною вечеръ — шакъ вошъ мы и согласны. — Да послушай, сестрица — довольно ли у насъ цвѣшовъ?

Л а в р а.

И очень, очень довольно. Посмотри, сколько у меня. Старичокъ нашъ могъ бы ими поврышь всѣ кипарисы вокругъ монумента — всѣ, сверху до низу.

Д о р и с ъ.

Когда цвѣшы сплешешь въ вѣнки поплотнѣе, такъ ихъ много пойдешъ. А мнѣ хочется, чшобы и для насъ сколько нибудь осталось.

Л а в р а.

Да естльи бы ихъ и недосшало, шакъ бы намъ не о чемъ было шужить.

Вѣдь здѣсь вездѣ распушѣ цвѣты; мы ихъ ногами топчемъ. — Только скажу тебѣ за шайну, что нынѣ мнѣ очень тяжело рвать цвѣты, хотя это упражненіе для меня очень пріятно въ другое время.

Д о р и с ъ.

Отъ чего же?

Л а в р а.

Вѣдь ты знаешь, на что цвѣты надобны нашему Палемону?

Д о р и с ъ.

Конечно на возпоминаніе прежней шерсти своей.

Л а в р а.

Не перерываетъ ли оно на нѣсколь-
ко минутъ всегдашней радости нашей?
По крайней мѣрѣ придетъ шумъ въ го-
лову какая нибудь печальная мысль; а
эщова я не люблю.

Любезны мнѣ миршы,
Торжественный блескъ,
Веселы свирѣли,
И танцы и плескъ,
И ниршество Пана,
И праздники жертвъ;

И жизнь всю въ забавахъ
Хочу провождать,
Не зная печали.
Какъ ввѣкъ небеса
Въ Аркадіи чисты,
Такъ Лаврины дни
Да будутъ прекрасны,
И чисты, и ясны,
И веселы ввѣкъ!

Д о р и с ъ.

Однакожь, любезная Лавра,

Развѣ солнце не прекрасно
И тогда, какъ облака
Флеромъ солнце покрываютъ?
И Природа красосу
Развѣ шрашишь въ шѣ минушы,
Какъ шоржешвенная ночь
Тьмой Природу покрываетъ?
Вѣдь для свѣта шѣнь нужна.

*(Дафна потихоньку выходитъ
и показывается Лаврѣ).*

*Л а в р а (бросаясь къ
сестрѣ).*

Ахъ, Дорисъ! посмотри, посмотри!

Дорисъ.

О боги! кто это! — Какое чудное
плащье!

(*Дорисъ и Лавра обнимаются и
пристально смотрятъ на
Дафну*).

Лавра (тихонько).

Она такъ прекрасна, что я могла
бы почесать ее за богиню.

Я В Л Е Н І Е IV.

Лавра, Дорисъ, Дафна.

*Дафна (вслушавшись въ
слова Лаврины).*

Нѣтъ, нѣтъ, любезныя дѣти! я
такая же смертная, какъ и вы. Я другъ
вашъ, и почту себя щастливою, еслили
вы захотите быть моими друзьями.

Лавра.

Какъ этова не хотѣшь! Видѣ твой
показываетъ, что ты не хуже самой
лучшей пастушки нашей.

До =

Д о р и с ъ.

И мы бы конечно почли тебя своею, естли бы на тебѣ было не такое платье.

Д а ф н а.

Я не ваша; однакожь желаю принадлежать вамъ, естли вы захощите принятьь меня.

Л а в р а.

Съ радостію, съ радостію! Пойдемъ въ наши хижины; и все, что у насъ есть, будетъ швое.

Д о р и с ъ.

Все, все. Спада наши будутъ тебя кормить и одѣвать; ты будешь питаешь-ся лучшими плодами, которые, для нашего наслажденія, растутъ у насъ на прекрасныхъ деревьяхъ.

Д а ф н а.

Прелестныя дѣвушки! позвольте мнѣ васъ обнять и прижать къ сердцу! (*Про себя.*) Вижу теперь, что добродѣтельная Аканта правду говорила. — Удивленіе и радость — — —

Л а в р а.

Удивленіе! Чему ты удивляешься? Старики наши говорятъ, что чужестран-

цы, которыми мы нравимся, конечно приятны богамъ, любящимъ свободу и простоту. Народъ долженъ радоваться, когда умножается число честныхъ людей, которые всѣми силами стараются быть добродѣтельными, и чрезъ то побуждаютъ насъ къ добру. Слава богамъ, что будетъ больше прилѣжныхъ людей, обрабатывающихъ долины наши! Отъ этого онъ еще болѣе украсится.

Д о р и с ъ.

Можемъ ли мы думать, что благодѣтельная Природа только для насъ произвела плоды и спада, и только для насъ украшаетъ луга благоуханными цвѣтами?

П о п е р е ж ѣ н н о.

Дорисъ. Когда у насъ цвѣтами
Покроются поля,

Лавра. Когда у насъ плодами
Покроются лѣса,

Дорисъ. Приятно ли мнѣ будетъ
Всегда одной ихъ рвать?

Лавра. Приятно ли мнѣ будетъ
Одной плоды срывать?

Вмѣств. Не что, не что намъ все богатство,
Когда дѣлать его не лзя?

Да.

Д а ф н а (сперва одна, а
по томъ естъ три
вмѣстѣ.)

Блаженъ, блаженъ, кто въ щастьѣ ближ-
нихъ

Находитъ щастіе свое!

Вездѣ, во всемъ, всегда онъ щасливъ;

Всегда доволенъ, радъ, блаженъ!

Я В Л Е Н І Е V.

Прожія, Лизіасъ, Эвфемонъ.

Л а в р а (увидѣвъ Лизіаса
и Эвфемона)

О боги! Дорисъ! посмотри, посмо-
три! вотъ опять новое явленіе!

Д о р и с ъ.

Ахъ! эшотъ молодой пасухъ —
однакожь онъ не пасухъ; онъ совсѣмъ
не шаковъ, какъ пасухи наши — вѣр-
но пришелъ — съ нашимъ другомъ
(указывая на *Дяфну*) — вѣдь ты хо-
чешь быть другомъ нашимъ? Однакожь
у себя должно быть и другое имя.

Д а ф н а.

Дафна — я Дафна, а онъ (указывая на Лизіаса) Лизіасъ, мой спутникъ.

Лавра и Дорисъ вмѣств.

Лизіасъ!

Эвфемонъ.

И такъ это швоя любезная, которая съ тобою ищетъ у насъ прибѣжища? — Здравствуй, прекрасная дѣвушка! Ты найдешь здѣсь все, чего желаешь.

Д а ф н а.

Благодарю тебя за швою любовь. Эпи милья дѣти подали мнѣ радостную надежду на хорошій пріемъ.

Л а в р а.

Ахъ, батюшка! какъ ласково, какъ пріятно обошлась она съ нами!

Д о р и с ъ.

Она обнимала насъ — —

Л а в р а.

Прижимала къ своему сердцу — —

Д о р и с ъ.

И называла своими друзьями.

Л и -

Лизіасъ.

Такъ ты отецъ эпихъ любезныхъ дѣвущекъ?

Эвфемонъ.

Такъ, другъ мой. — (*Дѣтянь.*) Не забыли ли вы, что вамъ приказалъ почтенной Палемонъ?

Лавра.

Ахъ, нѣтъ! Только нечаянная встрѣча съ прекрасною Дафною — кажется, зовушь ее Дафною — задержала насъ здѣсь.

Дорикъ.

Посмотри, башюшка — цвѣшны уже нарваны.

Эвфемонъ.

Да еще не сплешены вѣ вѣнки; а вамъ можешь быть нынѣ же надобно будетъ съ своими подругами нарвать больше цвѣшовъ. Завтра при возхожденіи солнца ваши дѣвическія руки украсятъ нашъ брачной олтарь.

Лавра (сестрѣ своей.)

Мнѣ это пришло на мысль вѣ шу же минушу, какъ я его увидѣла — —

Д о р и с ъ.

И се подлѣ него. Ахъ! пойдѣмъ по-скорѣе. Какъ же обрадуются наши пастухи и пастушки!

Л а в р а.

Мнѣ неперпѣливо хочется сказать имъ о помѣ.

Д о р и с ъ.

Однакожь намъ надобно напередъ всплески свои вѣнки.

(Обѣ коспѣшно уходятъ.)

(Продолженіе будетъ впредь.)

АНАКРЕОНТИЧЕСКІЕ СТИХИ

А* А* П*

Зефиръ прохладный вѣшъ,
И Флору оставая,
Зефиръ со мной играетъ,
Меня утѣшить хочешъ;
Печаль мою развѣяшь
Намѣренъ непремѣнно.
Зефиръ! напрасно мыслишь
Меня развеселиши,
Мнѣ плакать не давая!
Ты въ сердце не проникнешъ;
Моя же горестъ въ сердце.
Но естли ты намѣренъ
Мнѣ службу сослужити,
Лети, Зефиръ прекрасный,
Къ тому, кошорой любишь
Меня любовью нѣжной;
Лети въ деревню къ другу;
Найдя его подъ тѣнью
Лежащаго покойно,
Вѣй въ слухъ его пихонько,
Что ты теперь услышишь.
„Разставшия съ побою,
Чего не думалъ сдѣлать?
Разсматривалъ я присму,
Желая то увидѣть,
Что Ньютонову душу

Толико занимало —
 Чшо Ньюпоново око
 Въ возпоргѣ созерцало.
 Но ахъ! мнѣ надлежало
 Тотчасъ себѣ признахся,
 Чшо Ньюпонова дара
 Совсѣмъ я не имѣю;
 Чипс мнѣ не лъзя проникнуть
 Въ сославъ чудесный свѣта,
 Дробишь лучей седмичныхъ
 Великаго свѣшила. —
 Я Ньюпона оставилъ.

Чишая Философовъ
 Я вздумалъ Философомъ
 Прослышь въ Ученомъ Свѣтѣ;
 Схвасивъ перо, бумагу,
 Хопѣлъ писать я много
 О помѣ, какъ человеку
 Себя щаспливымъ сдѣлать,
 И мудрымъ быть въ сей жизни.
 Но ахъ! мнѣ надлежало
 Тотчасъ себѣ признахся,
 Чшо духъ сихъ Философовъ
 Во мнѣ не обитаетъ;
 Чшо я шого не знаю,
 О чемъ писать намѣренъ. —
 Вздохнувъ, перо я бросилъ.

Шашаяся по рощамъ,
 Внимая Филомелъ,

Я Томсономъ быть вздумалъ,
И пѣшь злaшое лѣто;
Но ахъ! мнѣ надлежало
Тошчасъ себѣ признашья,
Что Томсонова гласа
Совсѣмъ я не имѣю —
Что пѣснь моя несносна. —
Вздохнувъ, молчашь я долженъ.

Теперь брожу я въ полѣ,
Грущу и плачу горько;
Почувствуя, какъ мало
Таланшовъ я имѣю. — „

Зефиръ, Зефиръ прекрасный!
Лети въ деревню къ другу;
Найдя его подъ тѣнью
Лежащаго покойно,
Ввѣй въ служъ его шихонько,
Что ты теперь услышалъ.

Г Р О З А.

Великъ Господь! вѣщаютъ громы,
Гремя, треща, тряся всю швердь.
Великъ Господь! вѣщаютъ бури,
Волнуя, пѣня Океанъ.

Дубъ древній, съ шумомъ потрясаясь,
Вѣщаетъ намъ: великъ Господь!
Ударомъ грома раздробляясь,
Гласитъ еще: великъ Господь!

Злодѣй, законы презиравшій,
Мятежъ Природы всей узрѣвъ,
Блѣднѣетъ, падаетъ, вызываетъ:
Великъ Господь и спрашенъ злымъ!

Душа благая, врагъ пороковъ!
Внимая громамъ, шуму бурь, —
Съ улыбкой на небо взирая,
Вѣщаешь ты: коль благъ Господь!

АРКАДСКОЙ ПАМЯТНИКЪ.

Продолженіе.

Я В Л Е Н І Е VI.

Лизіасъ, Эвфемонъ, Дафна.

Лизіасъ.

Слышишь, любезная Дафна, что эротъ доброй пастухъ беретъ радостное участіе въ исполненіи моего желанія, желанія соединиться съ шобою, добродѣшельная Дафна!

Дафна.

Въ сердцѣ своемъ благодарю его за такое привѣшливое дружелюбіе, и языкъ мой не можетъ изъяснить чувствуемой мною благодарности.

Эвфемонъ.

Боги пламенно желаютъ
Щастья смертныхъ чадъ земли,
И хосятъ, чтобъ человекѣ
Знали щастіе свое.
Естьлижь имъ уподобляться
Кто захочетъ изъ людей,
То святая добродѣшель
Есть единый путь къ шому.

Лизіасъ.

Ахъ! естли бы всѣ такъ думали, то за чѣмъ бы было намъ искать щастія въ такой ошдаленности?

Эвфемонъ.

Здѣсь вы конечно найдете щастіе, естли ищите его въ тихомъ спокойствіи и въ шѣхъ дарахъ, которыми благодѣтельной Панъ награждаетъ наши легкіе шруды. Часы дня употребляемъ мы на сельскія работы, чшобы упомившись наслаждаться ночью пріятнѣйшимъ сномъ. Общественное согласіе и гармонія соединяютъ всѣхъ насъ швердымъ союзомъ. Опъ умѣренной пиши бываемъ мы здоровы, покойны, веселы.

Лизіасъ. (подавая Дафнъ руку.)

Ахъ! какое щастіе ожидаетъ насъ здѣсь!

Эвфемонъ.

Но естли ищите его въ искусственныхъ сценахъ жизни, гдѣ пышность въ обманчивыхъ мечтахъ ослѣпляетъ глаза блескомъ — въ розкошной, драгоценной нищѣ, или въ шумныхъ забавахъ:

шО

то вы конечно обманетесь, и ничего по желанію своему не найдете здѣсь.

Д а ф н а.

Мы всего этого убѣгаемъ. Я видѣла издали розкошь и пышность, видѣла и презрѣла. Та, которая меня возпитывала, показала мнѣ всѣ опасныя слѣдствія ихъ, и увѣщевала меня искать щастія въ такой землѣ, гдѣ добродѣтели исполняютъ безъ гражданскаго закона, и гдѣ невинность доставляетъ чистыя радости, которыя не влекутъ за собою разкаянія — коротко скажешь, здѣсь въ Аркадіи.

Л и э і а с ъ.

Я уже сказывалъ тебѣ, добродушной пастухъ, что это было причиною долговременной отсрочки моего благополучія, которое никакъ бы не могло совершиться, если бы я не исполнилъ ея воли и не привелъ бы ее сюда, положась на ея обѣщаніе, что здѣсь увѣнчаешься мое желаніе.

Э в ф е ж о н ъ.

Оно увѣнчается, и день вашего союза будетъ радостнымъ днемъ для всей

Аркадіи. Мы не пропускаемъ случаевъ къ веселію, почитая за благоразуміе пользоваться жизнію, пока еще невинность и умѣренность бывающѣ душою нашихъ забавъ; по тому что веселая улыбка на устахъ добродѣтели есть конечно пріятная жертва богамъ. И пошѣ день бываетъ для насъ днемъ радостнѣйшимъ, въ кошорой можемъ мы споспѣшествовать щастію добрыхъ людей, пріятныхъ Небу.

Д а ф н а.

Мы надѣмся на милость боговъ, пришедши сюда единственно съ шѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ пишинѣ подражать вашимъ добродѣтелямъ. Конечно сами безсмертные вели насъ съ Лизіасомъ; потому что мы никогда не теряли дороги, и перешли такое великое разстояніе безъ большой опасности и упомленія.

Э в ф е м о н ъ.

Однакожь вамъ конечно нужно отдохновеніе. Пойдемше же со мною. Тамъ, за шѣнью эпихъ высокихъ деревъ, гдѣ извивается маленькой ручеекъ, стойшѣ моя хижина; она обросла ясиномъ и козьимъ листомъ. Сперва прохладитесь сокомъ

сокомъ плодовъ, а по шомъ представляю васъ друзьямъ своимъ.

Лизіасъ.

О естѣли бы они всѣ были подобны тебѣ!

Дафна.

И милымъ дочерямъ швоимъ!

Эвфемонъ.

Перестаньше! Иначе буду думать, что васъ заразила лещъ шѣхъ городовъ, откуда вы пришли къ намъ; а истина есть у насъ первое правило. — Когда отдохнете, шо поведу васъ къ нашему старому Палемону, чтобы онъ далъ вамъ свое благословеніе.

Лизіасъ.

Палемону? — Да кто онъ?

Эвфемонъ.

Нашъ общій отецъ и другъ, одинъ изъ первыхъ пастуховъ нашихъ и господинъ многочисленныхъ стадъ. Съ нѣкошораго времени онъ совсѣмъ почти удалился отъ нашего небольшого общества, и построилъ себѣ гротъ въ эшомъ лѣсу, гдѣ оплакиваетъ нѣкошорую важ-

ную потерю свою, которая отвратила его отъ радостей жизни, и преждевременно покрыла сѣдиною голову его.

Д а ф н а,

Кажется, что дочери твои объ немъ упоминали.

Э в ф е м о н ъ,

Можетъ бышь; потому что мы все любимъ его, какъ отца. Благоразуміе, опытность и добродѣтели его вселили въ насъ такое къ нему почтеніе, что въ долинахъ нашихъ не дѣлается ничего безъ его совѣта и вѣдома. Иногда призываетъ онъ къ себѣ дѣтей нашихъ, и сообщаетъ имъ добрыя наставленія въ пріятныхъ сказкахъ. Всякой боится впасть въ пороки, чтобы не потерять любви его. Никто изъ юношей и дѣвушекъ нашихъ не хочетъ любить безъ того, чтобы не посоветоваться съ нимъ о своемъ выборѣ, и не изпросить на свой союзъ его отческаго благословенія. Онъ всегда предводительствуетъ нами, когда мы приносимъ жертву Пану, и кажется, что за молитву его оказываетъ намъ Небо свое благоволеніе.

Д а ф н а.

Поведи насъ къ нему, добродушной
наспухъ, чтобы онъ и за насъ помо-
лился, и чтобы его благословеніе ошаст-
ливило союзъ нашъ. Не знаю, какое
сладостное чувство во мнѣ возбуждается!
При имени его бьется у меня сердце и
кровь волнуется. Пусть онъ совокупитъ
руки тѣхъ, которыхъ сердца любовью
совокупились! Ахъ, Лизіасъ! пусть онъ
ошдастъ насъ другъ другу!

Еще пріятнѣе мнѣ будетъ
Союзъ съ тобою, нѣжный другъ,
Когда рука свяшаго мужа
Его навѣки ушвердишь.
Отца и матери не зная,
Не зная, какъ отецъ и мать
Свое дитя ласкаютъ, нѣжатъ,
Почту его своимъ отцемъ,
И нѣжно поцѣлую руку
Того, кто насъ благословитъ.

Л и з і а с ъ. (Эвфемону.)

Онъ конечно это сдѣлаешь, когда
узнаешь ея доброе, чистое, невинное
сердце, досшойное Аркадія.

Э в ф е м о н ъ.

Конечно; лучь свѣта освѣщаетъ тогда горестную душу его, когда онъ видитъ людей щасливыхъ, и самъ можешь ихъ щасливыми дѣлать.

(Уходятъ).

Я В Л Е Н І Е VII.

Открывается лѣсъ и гробница, на которой лежитъ молодая Нимфа. Внизу большими буквами написано:

И Я БЫЛА ВЪ АРКАДІИ.

Не далеко отъ сего мѣста видна пещера, изъ которой выходитъ Палемонъ — сперва кругомъ осматривается, и наконецъ идетъ потихоньку.

Какъ пріятно сіяетъ солнце на западѣ! Какъ прекрасно позлащаетъ оно слабѣющими лучами своими уединенную мою хижину! — Печальное возпомянаніе!

Въ сей день я нѣкогда лишился
Всего, что было мило мнѣ, —
Тебя, любезнѣйшая Дафна!

ВЪ

Въ послѣдній разѣ тогда твой взорѣ
Пріятный, кропкій обращался
Сѣ улыбкой нѣжной на меня.

И вдругѣ рука Спартанцевѣ злобныхѣ
Тебя изпоргнула навѣкъ
Изѣ нѣжныхѣ, пламенныхѣ объятий
Отца, которой слезѣ своихѣ
Еще не осушалѣ о смерти
Любезной матери твоей!

Но время не могло изпоргнушь
Тебя изѣ сердца моего.
Вѣ немѣ вѣчно будетѣ жить твой
образѣ;
Онѣ тамѣ глубоко впечатлѣнѣ.

(Указывая на монументъ.)

Всегда сей памятникѣ я буду
Слезами горести кропитьъ.

Нынѣ, нынѣ минуло уже пятнаш-
цать лѣтъ тому, какѣ ты, милой Ан-
гелѣ — и точно вѣ эпохѣ часѣ — вмѣ-
стѣ сѣ нашею вѣрною пріятельницею,
которой умирающая мать твоя поручила
нѣжное твое дѣшство, досталась вѣ до-

бычу злодѣямъ. Тщешно буду надѣяться гдѣ нибудь найши себя, или узнать, что ты жива! — Но такъ богамъ угодно, и непостижимой совѣщъ ихъ всегда бываетъ премудрѣ! — Можетъ быть предвидѣли они, что сердце мое слишкомъ бы прилѣпилось къ этой милой дочери; что я великою своею любовію изнѣжилъ бы ее, и въ изнѣженномъ младенцѣ воспалѣ бы ядовитое расшѣніе для прекрасныхъ и здравыхъ долинъ Аркадскихъ — непослушную дочь, дурную супругу и безпечную мать — а наконецъ въ родительскомъ возторгѣ забылъ бы и самихъ боговъ. Кто можетъ поручиться за человѣческое сердце, когда оно предастся спраси? — Теперь уже конечно уединенныя шѣни, мудрое размышленіе и долговременныя опыты научили меня истинѣ; и естли бы я нашелъ себя нынѣ, когда уже укротился всякой мятежъ вождельнѣй въ душѣ моей, когда жизнь моя шечетъ тихо, подобно этому ручью, и когда спокойно ожидаю отъзыва — естли бы нынѣ нашелъ себя... Но начто такія мечты! Несбыточныя сны, бывъ ничто иное, какъ мечта, возбуждаютъ шолько горестъ. Лучше предамся сладостной меланхоліи, шполь

прі-

пріятной моему сердцу — увѣнчаю цвѣтами пустую гробницу, мною сдѣланную, чтобы нѣжные Зефиры развѣвали вокругъ ихъ бальзамической духъ; и когда придутъ ко мнѣ въ уединенное мое жилище юные Аркадскіе паслухи и паслушки, буду ихъ пригопоялять къ разнымъ случаямъ человѣческой жизни, отъ которыхъ не спасается и самое чистѣйшее человѣческое щастіе. — Что же найдутъ ко мнѣ любимыя мои паслушки, дочери Эвфемонсвы, которымъ я поручилъ нарвать цвѣтовъ, начто онѣ всегда съ радостію вызывались? Не уже ли приключилось имъ чтонибудь непріятное? — На всякой случай и самъ я могу нарвать — — Тише! кто-то идетъ по кущамъ. — Посмотрѣть — (Истѣтуда, гдѣ слышитъ шорохъ) — А! ащо онѣ.

(Продолженіе будетъ впереди)

НА СМЕРТЬ ДѢВИЦЫ * *.

Вчера здѣсь роза разцвѣтала,
Собою красила весь лугъ;
Но нынѣ роза въ зной увяла —
Краса ея исчезла вдругъ.

Куда, Элиза, ты сокрылась
Толь скоро отъ друзей твоихъ?
Вчера ты съ нами веселилась,
Бывъ въ цвѣтѣ Майскихъ дней своихъ.

Но вдругъ, Элиза, увидишь —
Болѣзни зной пожегъ твой цвѣтъ —
Глаза со вздохомъ закрываешь. . . .
Я слезы лью — Элизы нѣтъ!

Любивъ здѣсь въ жизни добродѣтель,
Ты ею красила себя:
Теперь нашъ Богъ и благодѣтель
Осыплетъ благами тебя.

Друзья умершей! не печальтесь;
Она въ объятіяхъ Отца.
Ошрите слезы, утѣшайтесь!
Ея блаженство безъ конца.

ГОСПОДИНУ Д * * НА БОЛѢЗНЬ ЕГО.

Болѣзнь есть часть живущихъ въ мірѣ;
Спрадаешь шощѣ, кто въ немѣ живетѣ.
Вѣ спранѣ подлунной все шомишя;
Вѣ юдоли сей покоя нѣшѣ.

Но шѣмѣ мы можемѣ утѣшашься,
Что намѣ не вѣкѣ вѣ семѣ мірѣ жишѣ;
Что скоро, скоро мы преспанемѣ
Спрадашь, спенашь и слезы лишь.

Вѣ спраны блаженства вознесемѣ,
Гдѣ нѣшѣ болѣзни, смерти нѣшѣ.
Тогда, мой другѣ, тогда узнаемѣ,
Почто спрадали сполько лѣшѣ.

Тогда мы, свѣтомѣ озаряся,
Падемѣ, поклонимся Творцу;
Вѣ возпоргѣ слезы проливая,
Возкликнемѣ къ нашему Отцу:

„Ты благѣ, премудрѣ, могущѣ чудесно!
„Ты все во благо превратилѣ,
„Что намѣ великимѣ зломѣ казалось; —
„Ты насѣ къ блаженству сотворилѣ!„

ИДАСЪ и МИКОНЪ,

ГЕСНЕРОВА ИДИЛЛІЯ.

Здравствуй, Миконъ, любезной пѣвецъ!
Лишь только тебя увижу, сердце во
мнѣ оль радости встрепенется. Съ то-
го времени, какъ ты у колодца на ка-
мнѣ спѣлъ мнѣ весеннюю пѣсню, я тебя
нигдѣ не видалъ.

Миконъ. Я радъ, Идасъ, что уви-
дѣлся съ тобою. Ты мастеръ играть
на свирѣляхъ. Выберемъ теперь про-
хладное мѣсто, и сядемъ въ тѣни.

Идасъ. Взойдемъ на эпошъ при-
городокъ, гдѣ посадилъ Палемонъ большой
дубъ; онъ тѣнь свою разстилаетъ дале-
ко, а прохладнымъ вѣтеркамъ тамъ
умолку нѣтъ. Козы мои между тѣмъ
пускай лаятъ по крутой горѣ и щи-
плютъ листья съ кустовъ. Не богатъ
ли эпошъ большой дубъ гибкими вѣтвя-
ми, и не прохладно ли подъ его тѣнью?
Сядемъ здѣсь подлѣ шиповника. Пусть
тихіе вѣтерки играютъ нашими волосами.
Миконъ! это мѣсто для меня свято! —
Палемонъ! эпошъ дубъ будетъ все-
гда священнымъ памяникомъ твоей че-
стности! У Палемона было стадо не ве-
лико.

лико. Онъ принесъ въ жертву Пану много овецъ. Услышь, Панъ, мое желаніе! говорилъ онъ: дай размножиться моему стаду, чшобъ я могъ его раздѣлить съ бѣднымъ моимъ сосѣдомъ. Панъ въ одинъ годъ вдвое умножилъ его стадо; а Палемонъ отдалъ половину своего стада бѣдному сосѣду. Послѣ шого приносилъ онъ Пану жертву на эпомъ холмѣ, и сажая дубъ, говорилъ: „Клянусь, Панъ, передъ побою, что всегда буду свящать потъ день, въ которой исполнилося мое желаніе. Разроспи дубъ, мною здѣсь посаженной! Да почтется онъ мнѣ святымъ памяшникомъ! Тогда ежегодно подъ тѣнью его буду тебѣ приносить жертвы. — Миконъ! спѣшь ли тебѣ пѣсню, которую я всегда пою подъ этимъ дубомъ?

Миконъ. Ежели ты мнѣ споешь свою пѣсню, то я подарю тебѣ эту девятигласную свирѣль. Палочки всѣ самъ я выбиралъ и нарѣзалъ на берегу, и сладилъ ихъ душистымъ воскомъ.

Идасъ поетъ:

„Гибкія, сводъ надо мною сплетаютъ въпшви! отъ вашей тѣни прихожу я въ священной возторгъ. Въ вашей, вѣшры! прохладѣ слышу, кажется, подлѣ себя

себя шорохъ невидимаго божества. Вы, козочки и овечки! поберегите, ахъ! поберегите, и не щиплите молодого плюща съ блага стебля! пусть онъ взовьется и сплещетъ зеленые вѣнки около блага стебля. Тебя, высокое дерево, не повредятъ ни стрѣлы громовыя, ни бурные вѣтры; тебѣ должно остаться памятникомъ честности. Вершина его выше всего; всякой пастухъ издали видитъ ее, и кажетъ сыну своему, увѣщая его быть добродѣтельнымъ. Нѣжная мать, увидя ее, рассказываетъ повѣсть о Палемонѣ любопытному младенцу, сидящему у нее на колѣняхъ. Такихъ памятниковъ честности, вы пастухи, насадите побольше, чтобы намъ нѣкогда, ходя по сумрачнымъ рощамъ, наполняться священнымъ возпоргомъ. ,,

Идасъ пропѣлъ, и давно уже замолчалъ; а Миконъ, казалось, все еще слушалъ. Ахъ, Идасъ! меня восхищаетъ рососою кропящее утро, радости приближающейся весны меня восхищаютъ, а всего болѣе дѣла правдиваго.

Симъ Миконъ рѣчь свою кончилъ, и отдалъ ему десятигласную свирѣль.

АРКАДСКОЙ ПАМЯТНИКЪ.

Продолженіе.

Я В Л Е Н І Е VIII.

*Палемонъ, Дорисъ, Лавра (объ-
пыхавшись.)*

Палемонъ.

Гдѣ вы по сю пору были, любезныя дѣши? Бывало вамъ лишь шолько слово скажешь, такъ уже и все сдѣлано. А я вѣдь, кажется, поручилъ вамъ пріятное дѣло.

Лавра.

Ахъ, любезной Палемонъ! — не сердись — не сердись! — Видишь — они нарваны — —

Дорисъ.

И вѣ вѣнки сплешены — шолько —

Палемонъ.

Прежде отдохните, милья моя.

Лавра.

Только мы были задержаны — —

Дорисъ.

И прошивъ воли опоздали; потому что на дорогъ увидѣли мы чудное явленіе — —

Палемонъ.

Не дурное ли?

Лавра.

О нѣщѣ! пріятное — —

Дорисъ.

Самое пріятнѣйшее, потому что оно возбудило въ насъ величайшее любопытство.

Палемонъ.

Неисполненіе должности — а что мы сдѣлашь обѣщали, то есть уже должность наша — неисполненіе должности, любезныя дѣши, не всегда извиняется побужденіемъ любопытства. Но какъ обѣщаніе не важно — —

Лавра.

Ахъ! мы чувствуемъ, что не хорошо сдѣлали. Вѣдь шы для насъ всего дороже!

Дорисъ.

Да какъ было удержаться? Двое молодыхъ чужеспранныхъ; пашухъ —
одна-

однакожь не въ такомъ плашьѣ, какъ мы — —

Л а в р а.

Съ молодою Нимфюю — — — — —
не совсѣмъ такою, какъ мы — — — — —

П а л е м о н ъ.

Пасухъ съ Нимфою? Правда, что это чудное явленіе; потому что люди, живущіе въ большихъ городахъ, и возпиганные въ изобиліи и шумѣ, убѣгающіе шихихъ, уединенныхъ долинъ, гдѣ надобно прилѣжною работою доставать себѣ умѣренную и просхую пищу, гдѣ не шерпится праздность, и гдѣ уважаются одни невинные и чистые нравы. — Не слыхали ли вы, откуда они пришли?

Д о р и с ъ.

Кажешся, что они, когда мы плели вѣнки, говорили о Спаршѣ.

П а л е м о н ъ (съ нѣкоторымъ движеніемъ.)

О Спаршѣ? Они изъ Спаршы? Такъ надобно стараться поскорѣе сбывъ ихъ съ рукъ. Они конечно обманщики, разбой-

бойники. Берегитесь ихъ , берегитесь,
милыя дѣши!

(Съ горестію обращивается къ
монументу.)

Л а в р а.

Нѣтъ, нѣтъ, любезной Палемонъ!
Они не обманьщики, не разбойники —

Д о р и с ъ.

Онъ такъ добрѣ, какъ Аркадской
паспухѣ; а она такъ невинна, какъ Ар-
кадская паспушка. Тебѣ надобно шоль-
ко увидѣть ихъ — —

Л а в р а.

И услышать ихъ слова. — Она
мила, прекрасна!

Какъ пурпурѣ въ часѣ вечерній
Собою красишь облака,
Такъ лиліи и розы
Сіюшь на лицѣ ея.

Д о р и с ъ.

Глаза ея подобны
Лазури ушренныхъ небесѣ.
Въ ея отккрышыхъ взорахъ
Видна вся внутренность души.

Ла-

Л а в р а.

Не чудно бы мнѣ было,
Когда бы пчелки на уста
Ея шолпой слешѣлись,
И спали меду въ нихъ искашь.

Д о р и с ъ.

Такъ волны не сребряшя
У берега пѣнисныхъ озеръ,
Какъ волосы сребряшя
На шеѣ въ кудряхъ у нее.

Л а в р а.

А ростъ ея — —

Д о р и с ъ.

А походка ея — —

Л а в р а.

И все, что она дѣлаешъ — —

Д о р и с ъ.

И все, что говоришъ — —

Л а в р а.

А онѣ — онѣ такъ хорошѣ —
такъ прекраснѣ, какъ молодой кедрѣ.

Д о р и с ъ.

Крошкѣ, какъ улыбающійся мѣ-
сяцѣ — —

Палемонъ.

Хорошо, хорошо! Только молодымъ дѣвушкамъ не надлежало бы съ такою прилѣжностію разсматривать пріятности молодыхъ пастуковъ, и описывать ихъ съ такимъ краснорѣчіемъ. А то — —

Дорисъ.

А то подумаютъ, что мы влюблены въ нихъ, и станутъ надъ нами смѣяться.

Лавра.

А смѣялась ли ты надъ молодою пастушкою, что она любитъ юношу?

Дорисъ.

Это совсѣмъ другое; она большая — и развѣ ты не слыжала, что башюшка говорилъ о свадебныхъ вѣнкахъ, которые намъ скоро надобно будетъ для нихъ сплести?

Палемонъ.

О свадебныхъ вѣнкахъ? — Отецъ вашъ? — Это меня увѣряетъ, что ихъ не надобно бояться, и что они не только прекрасны, но и добродѣтельны.

Лавра.

Конечно, конечно добродѣтельны! Они хотятъ, чтобы мы ихъ приняли.

До-

Д о р и с ъ.

И пришли сюда съ шѣмъ, чтобы у насъ навсегда остаться.

Л а в р а.

И хотящъ здѣсь праздновашъ бракъ свой.

Д о р и с ъ.

И придущъ къ тебѣ просить благословенія.

П а л е м о н ъ.

Моего благословенія? Да кто имъ обо мнѣ сказалъ?

Л а в р а.

Вѣрно башюшка.

П а л е м о н ъ (въ безпокойствѣ.)

Однакожь они конечно не нынѣ придущъ ко мнѣ?

Д о р и с ъ.

Нынѣ, нынѣ — теперъ же.

Л а в р а.

Они отдыхающъ, потому что ещъ дальней дороги очень усшали; а прохладясь плодами, потчасъ сюда придущъ.

П а л е м о н ъ (подумавъ.)

Нѣтъ, нѣтъ! Они помѣшали бы мнѣ въ сладостной меланхоліи совершашъ па-

мять любезной дочери моей. Они хотѣвъ передѣ олпарями нашими заключить союзъ любви — можеть быть радостныя сердца ихъ наполнились бы печальными предчувствіями, когда бы они, пришедши ко мнѣ за благословеніемъ, увидѣли здѣсь памятникъ осиротѣвшей родительской нѣжности, и нашли меня подлѣ печальныхъ кипарисовъ. Лучше мнѣ предупредить ихъ.

Л а в р а.

Они уже можеть быть идушь.

Д о р и с ъ.

А можеть быть и близко.

П а л е м о н ъ.

По крайней мѣрѣ надобно, чшобы мы съ ними не здѣсь увидѣлись. Опнесите свои корзинки въ мою хижину, побѣгите и скажите, что я приду. Я пойду спороною къ нимъ на встрѣчу и ворочу ихъ. — Подите, дѣши, подите!

(Пастушки относятъ свои корзинки въ пещеру, и уходятъ.)

Я В Л Е Н І Е IX.

П а л е м о н ъ.

Какъ непріятно, когда мѣшаютъ печалиться! — Что вздумалось Эвфемону теперь, въ самое это время — — Въдъ ему извѣстно — — Однакожь онъ, по своему добродушію, можетъ бысть хочеть эшимъ выгнашь изъ души моей меланхолическія мысли нынѣшняго вечера. Ахъ! онъ не знаетъ, что въ самомъ уныніи есть несказанная сладость! — Да они изъ Спарты! А ему извѣстно, что это имя возмущаетъ душу мою! Однакожь я чувствую въ сердцѣ своемъ великое движеніе — мнѣ бы хотѣлось видѣть ихъ. — А они изъ Спарты! — Чудно! я оуждаю любопытство въ молодыхъ пастушкахъ, а самъ — самъ чувствую неизвѣстное побужденіе — — Пойду, пойду. Только напередъ обвѣшаю цвѣтами пустую гробницу моей Дафны. Пусть эпотъ ежегодной обрядъ пребудеть доказательствомъ, что я помню ее! Вотъ единственной даръ, которой она можетъ получить отъ родительской нѣжности!

(Идетъ, приноситъ корзинку съ цвѣтами, и убѣнчиваетъ ими монументъ. Между тѣмъ поетъ:)

Ахъ, какъ въ вѣнкахъ прекрасны розы!
Но скоро меркнешъ алый цвѣтъ,
И скоро розы опадающъ.
Когда же завтра я спрошу:
Гдѣ роза, цвѣтъ прекрасный, гордый,
Краса долинъ, полей, луговъ:
То роза жалобно мнѣ скажетъ:
И я въ Аркадіи цвѣла!

(*Помолчаѣ.*)

И ты въ Аркадіи была,
Моя любезнѣйшая Дафна!
Въ пучекъ видѣлъ я твой цвѣтъ.
Ахъ, естлибъ я теперь увидѣлъ
Тебя, любезнѣйшая дочь!
Теперь бы въ полномъ, въ пышномъ
цвѣтъ
Сіяла Дафна какъ звѣзда.
Въ пучекъ видѣлъ я цвѣтъ Дафнинъ —
Она въ Аркадіи была!

А теперь нѣтъ тебя! — А естли
ты еще жива — то какъ? гдѣ? — Мо-
жешъ бышь живешь ты въ неволѣ;

И естли цѣпи носишь,
То цѣпи облегчай
Надеждою на Небо!
Онъ легки тогда,

Когда

Когда душа свободна,
Невинна и мудра.

А естли духъ пвой чистый
Взираетъ на меня
Со свода голубаго,
То рздуйся, моя
Любезнѣйшая Дафна!
Я скоро буду тамъ.

Сошла почти нипъ жизни,
И смерть близка ко мнѣ.
Отверзстая могила
Гоповишся приняшь
Въ свои покойны нѣдра
Меня и скорбь мою.

(*Послѣ горестнаго молчанія.*) Одна-
кожь — я долго медлю. Въ горести
своей совсѣмъ забылъ, что госпи наши
меня дожидаются. Пойду скорѣе, чтобы
скорѣе возвратишься сюда — къ своей
меланхоліи. — Кажется, что кто-то
идетъ. — Спрячусь.

(*Прячется за гробницу.*)

Я В Л Е Н І Е Х.

Дафна, Лавра, Дорисъ.

Д а ф н а.

Только на минушу останусь здѣсь, любезныя дѣши! Вѣдь вы говорите, что его здѣсь нѣтъ, и что онъ хотѣлъ спороною вышши къ намъ на встрѣчу? — А мнѣ хочешся видѣшь по крайней мѣрѣ жилище его.

Л а в р а.

Однакожь, прекрасная Нимфа, что ты шамъ смотришь? — Онъ эшо запрешилъ; а нѣтъ на свѣтъ такого челоуѣка, котораго приказанія уважали бы мы болѣе Палемонова слова.

Д о р и с ъ.

Ешьли и другъ швой, Лизіасъ, куда же придетъ, шакъ мы совсѣмъ пропали. Ахъ! одинъ важной взоръ укоризны — —

Д а ф н а.

Такъ подите же и не пускайте его сюда.

Л а в р а.

А гдѣ онъ?

Д а.

Д а ф н а.

Онъ намѣренъ былъ сплести мнѣ брачной вѣнокъ. Отецъ вашъ хотѣлъ вести его въ розовой кустарникъ, и ушелъ съ нимъ незадолго передъ вашимъ приходомъ.

Д о р и с ъ.

Такъ мы пойдёмъ къ нимъ на встрѣчу, а ты приходи за нами. Эта дорожка въ правую сторону приведетъ тебя шуда.

Д а ф н а.

Хорошо, хорошо. — (*Указывая на пещеру.*) Такъ это жилище добродѣшельнаго шарца?

Л а в р а.

Да.

Д а ф н а.

Для чего же не хотѣлъ онъ насъ принять здѣсь?

Д о р и с ъ.

Нынѣ онъ совершаетъ память любезнаго младенца.

Л а в р а.

И не хочетъ, чтобы ему мѣщали заниматься горестными мыслями.

Д о р и с ъ.

А болѣе всего не хочетъ того, чтобы его привѣщаніе было для васъ печаль-

чально. — Однакожь намъ надобно ишши. А ты еще не хочешь ишши съ нами, любезная Нимфа?

Д а ф н а.

Только на минушу — —

Л а в р а.

Нѣтъ, пойдѣмъ, Дорисъ. Естли они прежде придушъ, шо что скажешъ Палемонъ?

Д о р и с ъ.

А что онъ скажешъ, естли ее найдешъ здѣсь?

Д а ф н а.

О! естли онъ шакъ добръ, шо конечно извинишъ мбе любопытство, и просишъ, что я васъ не послушалась. А я сама себя обвиняшь буду.

Л а в р а.

Такъ поскорѣ приходи. Вѣдь здѣсь шебъ не чего больше смотрѣшь!

Д о р и с ъ.

А естли хочешь посмотрѣшь гробницу дочери его — —

Д а ф н а (съ нѣкоторымъ ужасомъ.)

Гробницу дочери его?

Л а -

Л а в р а.

Вонъ она! видишь ли?

Д о р и с ъ.

Ахъ! онъ уже обвѣшалъ ее нашими
цвѣтами!

(*Уходятъ.*)

Я В Л Е Н І Е Х І.

Д а ф н а одна.

(*Подходитъ къ памятнику, осматриваетъ
его съ великимъ вниманіемъ, и по
нѣкоторомъ молчаніи читаетъ вслухъ
слова:*)

И Я БЫЛА ВЪ АРКАДІИ; —
И Я БЫЛА ВЪ АРКАДІИ —
ВЪ Аркадіи! и конечно лишилась жизни
во цвѣтѣ лѣтѣ своихъ? и покоишься въ
этой гробницѣ! и доброй отецъ, нѣжная
мать тебя оплакивають! — А здѣсь
Аркадія! а я думала, что на Аркадской
землѣ не произрастаетъ никакого чело-
вѣческаго злополучія! А вмѣсто того и
здѣсь живутъ заразы и болѣзни и скор-
би — или какое иное несчастіе тебя,
нѣжная дочь, преждевременно у роди-
телей похищено? — Среди прекрасныхъ
долинъ,

долинѣ, среди прелестныхъ луговъ — —
О какъ я обманулась! Суешная надежда!
какъ пы обольстила меня!

Въ мирныхъ рощахъ и долинахъ
Кипарисы я нашла,
Вмѣсто розъ и миршовъ нѣжныхъ.
Вмѣсто брачныхъ олшарей,
Гдѣбъ союзу совершиться,
Вижу гробъ я предъ собой.

Такъ и здѣсь бываетъ горестъ
Послѣ радости, утѣхъ?
Терны такъ же колютъ сердце?
И на радостныхъ поляхъ
Только памятникъ печали
Представляется глазамъ?

Такъ только для эпова пришла я
сюда изъ такой отдаленности, оставила
Спаршу, и бѣднаго Лизіаса увела изъ
опечества? — Гдѣ непрерывное благо-
получіе, которое мнѣ Аманша выхваляла?
Гдѣ шотъ цвѣшущій душевной миръ, ко-
шораго мы искали? — Ахъ! какъ мог-
ла она предаваться такой суешной, не-
основательной надеждѣ!

(Продолженіе будетъ впродъ.)

АРКАДСКОЙ ПАМЯТНИКЪ.

Продолженіе.

Я В Л Е Н І Е XII.

Дафча, Палемонъ.

*Палемонъ (выходя изъ за-
мочушка.)*

(*Про себя.*) Правда ли, что я слышалъ? — (*Смотритъ ей въ глаза.*) Ахъ! какой прекрасной образъ!

(*Дафча ужасается и
хочетъ съжаться.*)

Куда, любезная дѣвица! куда? —
Не бойся меня! — Останься здѣсь!

Дафча.

Прости, почтенной старецъ, прости, что я попревожила тебя въ священномъ твоемъ уединеніи! По крайней мѣрѣ милыя мои пастушки въ томъ не виноваты. Прости ихъ! Онѣ мнѣ сазывали, что ты не хотѣлъ здѣсь съ нами видѣться, и просили меня ийти назадъ; но — непреодолимое влече-
ніе — — —

Палемонъ (смотря на нее пристально)

Я это слышалъ. Не для себя, а для васъ не хотѣлъ я здѣсь съ вами видѣться. Ты видишь, что въ этомъ мѣстѣ неприлично принимаешь такихъ пріятныхъ гостей, какъ ты. Здѣсь жилище престарѣлой горести; а въ Аркадіи много лучшихъ мѣстъ для угощенія добрыхъ людей.

Дафна.

О! я вижу, что самой радостнѣйшей видѣ неба и земли те спасаешь отъ гроба, въ которой навсегда сокрывается надежда и счастье; и что самой лучшей человекъ можешь погребсти своихъ ближнихъ. — Однакожь взоръ твой улаживаетъ мое сердце, берущее участіе въ твоей горести. Не знаю сама — какое тайное утѣшеніе — какая несказанная радость — —

Палемонъ.

А твой взоръ — — Скажи мнѣ, скажи! — Или меня обмануло воображеніе, или — — Не говорила ли ты о Спаршѣ, объ Аканшѣ? Такъ ли я слышалъ?

Д а ф н а.

Конечно говорила; пошому чшо я пришла изъ Спаршы, гдѣ меня Аканша —

П а л е м о н ъ (послѣшно.)

Аканша? Ты ее знала? Она еще жива?

Д а ф н а.

Ахъ, нѣш! она умерла въ моихъ объятіяхъ. Я пошеряла въ ней лучшаго друга, и память ея никогда не изшребится изъ моего сердца. — Послѣдняя воля ея была ша, чшобы я шла въ Аркадію, гдѣ она жила щаспливѣс, нежели въ Спаршѣ.

П а л е м о н ъ.

И шакъ шы конечно Аканшина дочь?

Д а ф н а.

Нѣш, добродѣшельной старецъ! Я любила ее какъ мать свою, и нѣсколько лѣшъ машерью почитала; но при кончинѣ своей она вывела меня изъ сладостнаго заблужденія, и ошкрыла мнѣ, чшо я дочь лучшей ея пріятельницы, кошорая меня въ дѣшсшѣ ей поручила. Смершь не дала ей болѣе говорить — и я ошчалась бы безпомощною сиршшою,

естьли бы одинъ добродѣтельной Спар-
танской юноша не — —

П а л е м о н ъ (внѣ себя.)

Панъ всемогущій! эпо она! она! она!

Д а ф н а.

Ахъ! что съ тобою сдѣлалось? —
Ты трепещешь — слезы льются изъ
глазъ твоихъ — —

П а л е м о н ъ (громкимъ голо-
сомъ.)

Дафна! Дафна!

Д а ф н а.

Эпо мое имя — — Боги!

П а л е м о н ъ.

Дафна! дочь моя! —

(*Падаеть въ ея объятія.*)

Д а ф н а.

Небо! — Ты мой отецъ? отецъ
мой? Можно ли? — (*Обнимаетъ его —
молчаніе — оба рыдаютъ, обнимая
другъ друга.*) — Сердце мое, — сер-
дце мое сказало мнѣ, что ты — роди-
тель мой!

Па-

Палемонъ.

Я умираю съ радости! — О Дафна!
дочь моя, которую Спарта у меня по-
кинула, которую пятнадцать лѣтъ я
оплакивалъ! — И я еще вижу себя! —
Боги!

Дафна.

Неизъяснимая радость — донинѣ
неизвѣстной возгорѣ дѣтской любви —
щастіе — блаженство — — Ахъ! я на-
шла своего родителя!

Я В Л Е Н І Е XIII.

*Лизіасъ, Эвфемонъ, Эвергета, Лавра,
Дорисъ.*

Эвфемонъ (входя).

Надобно посмотреѣшь, гдѣ онъ. Онъ
такъ добрѣ, что конечно простишь не-
терпѣніе наше.

Лизіасъ

(Приходитъ въ замѣшатель-
ство, увидя Дафну въ Па-
лемоновихъ объятіяхъ. —
Во всѣхъ видно изумленіе
и любовитство.)

Что? что? — Дафна!

Дафна (вырываясь изъ объ-
ятій отца своего.)

О Лизіасъ! поди, участвую въ ща-
стіи — —

Лизіасъ (въ безпокойствѣ.)

Какое счастье? — Въ его объяті-
яхъ — —

Дафна.

Въ объятіяхъ моего любезнаго от-
ца — —

Всѣ (въ удивленіи.)

Отца!

Дафна.

Такъ, любезной Лизіасъ! — (*Пале-
мону.*) Ахъ, родитель мой! вотъ вотъ пошлѣ
юноша, которой привелъ меня изъ Спар-
ты, и съ которымъ общала я соеди-
ниться въ Аркадіи вѣчнымъ союзомъ.
Безъ него не могла бы я наслаждаться
этимъ счастьемъ, — счастьемъ, о кото-
ромъ думала Аканша при кончинѣ своей,
убѣждая меня итти въ Аркадію. Онъ
исполнилъ условіе, и привелъ меня сюда,
гдѣ любовь должна была наградить его
сердцемъ моимъ. Теперь рука моя въ
твоей власти, и отъ тебя зависить из-
полненіе моего обѣщанія.

Эвфемонъ (тихонько дочерямъ своимъ.)

Пойдите, любезныя дѣти, и поскорѣе увѣдомьте всѣхъ Аркадскихъ жителей о счастьи нашего добродѣтельнаго старца.

Эвергета.

И я пойду съ вами. Эта вѣдомость такъ пріятна, что я непременно хочу вмѣстѣ съ дѣтьми своими ее обнародовать. Какая будетъ радость! какое веселіе!

(Уходятъ.)

Палемонъ (*Лизіасу.*)

А ты, юноша, изъ Спарты?

Эвфемонъ.

Изъ Спарты; однакожь конечно не изъ шѣхъ злодѣевъ, которые нѣкогда похищали Аканшу съ твоею дочерью. Онъ наилучшій, найдобродѣтельнѣйшій юноша; онъ возвращаетъ тебѣ дочь твою.

Палемонъ.

Возвращаетъ! — Я чувствую одолженіе, и благодареніе его заглаждаетъ злодѣйство Спартанцевъ. Непоспизимы плути Провидѣнія! — Поди ко мнѣ, юно-

ша! — Ты любезенъ моей дочери, любезенъ по своимъ добродѣтелямъ, и возвращаешь мнѣ ввѣренной тебѣ залогъ невинности: будь же Дафиннымъ супругомъ, и дай мнѣ прижать тебя къ отеческому сердцу моему! Да излется на тебя благословеніе Небесъ, подобно какъ въ сердцѣ моемъ благодарность и любовь разливается!

Лизіасъ.

Какое восхищеніе! — О Дафна!

Дафна.

Любезной Лизіасъ! — Однакожь мнѣ еще объ одномъ знать надобно — у меня нѣтъ уже матери?

Палемонъ.

Нѣтъ — твое рожденіе было гробомъ ея. Для того-то и ввѣрилъ я воспитаніе твое Акантѣ, ея другу. — Но не будемъ огорчать сладкихъ минутъ радости печальнымъ воспоминаніемъ. Такова жизнь человѣческая! Ты думала, дрожащая Дѣфна, найши въ Аркадіи непрерывное щастіе; однакожь ты обманывалась — подъ солнцемъ нѣтъ такой страны, которая не была бы подвержена всеобщему жребію человечества.

Тамъ

Тамъ — шамъ, превыше горъ лазурныхъ,
 Подпоры неба, свѣтлыхъ звѣздъ —
 Тамъ будемъ жить въ странахъ блажен-
 ныхъ,
 Гдѣ царствуетъ добро безъ зла;
 Гдѣ духъ, одѣтый паромъ неба,
 Вкушаетъ сладость, Нектаръ пьетъ;
 Гдѣ сердце въ чистотѣ ээира
 Не знаетъ скорби, золъ и бѣдъ;
 И гдѣ душа, бывъ въ вѣчномъ мирѣ,
 Всегда довольна, весела.

Туда, любезная Дафна, туда спраж-
 дующая добродѣтель должна обращать
 терпѣливое око свое; шамъ только оби-
 шаетъ совершенное благополучіе — здѣсь
 на землѣ все подвержено перемѣнѣ вре-
 мени и счастья.

Д а ф н а .

Правда, что здѣсь надѣялась я най-
 ти убѣжище отъ всѣхъ безпокойствъ и
 несчастій жизни. Чистой воздухъ, свѣт-
 лое небо, добрые люди, а болѣе всего
 прекрасныя Аканшины описанія — —

Л и з і а с ь.

Теперь ты уже видишь, дражайшая Дафна, какое было ея намѣреніе. Она разгорячала швое воображеніе, чтобы побудить себя скорѣе итти въ то мѣсто, гдѣ могла ты найти величайшее для себя щастіе, добродѣтельного ошца.

Д а ф н а.

Я нашла его, нашла и благодарю боговъ и Аканту во гробѣ.

П а л е м о н ь.

Ты представляла себѣ мечшательное щастіе. Часто воображеніе обольщаетъ насъ пріятными мечшами; увидѣвъ наконецъ обманъ, обвиняемъ своимъ заблужденіемъ не себя, а міръ. Человѣкъ, жаждущій благополучія, вымышляетъ себѣ радости, которыхъ ему по справедливости ожидать не можно; и когда не исполнится его ожиданіе, тогда почитаетъ онъ пошерьнымъ то, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ никогда не обладалъ.

Д а ф н а.

И такъ въпредъ воображеніе меня уже не обманетъ. Я буду почитать всякое
роп-

роптаніе за преступленіе, и неудовольствіе за неблагодарность противъ Неба.

П а л е м о н ъ.

Хорошо сдѣлаешь, любезная Дафна. Естли бы не ободряла меня надежда когда нибудь найши тебя, то бы я уже давно занялъ эту пустую гробницу. Теперь узналъ я опыномъ, что въ самую ту минушу, когда небо наиболѣе чернѣетъ и гроза носится надъ головою нашею, боги насъ подкрѣпляютъ и направляютъ къ миру стопы наши. Умѣримъ свои вожделѣнія, дѣши мои; ограничимъ желанія, будемъ наслаждаться щастіемъ съ благодареніемъ и радостію, и въ спрданіи веселишься надеждою. Такимъ образомъ будетъ Аркадія въ сердцахъ нашихъ; потому что и здѣшняя земная жизнь доставляетъ добродѣтельному много удовольствій, а смерть бываетъ ему совсѣмъ нестрашна. (*Вдали слышенъ маршь, играемой на трубахъ, которой между слѣдующими рѣчами, перерываемыми музыкою, нѣсколько разъ повторяется.*) — Ахъ, друзья мои! вмѣсто звуковъ сожалѣнія и печали слышу я громкой гласъ мира и радости! Какъ пріятно ошзывается онъ въ ушахъ моихъ, и съ

съ какую красотою вся Природа снова возвеселяется для радостнаго Палемона, которой до шеперешняго часа видѣлъ ее во мракѣ, и для котораго самыя прекраснѣйшія пѣсни были печальными пѣснями!

Эвфемонъ.

Конечно Эвергета и дочери мои объявили Аркадскимъ жителямъ свое и наше благополучіе.

Палемонъ.

Вотъ они.

(Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.)

ВСЕОБЩАЯ МОЛИТВА,

Сочиненная Г. Попомъ.

Переводъ съ Англійскаго.

Отецъ всего, согласно чшимый
Во всякомъ вѣкѣ, всѣхъ странахъ —
И дикимъ, и святымъ, и мудрымъ —
Иегова, Зевсъ, или Господь!

Изсточникъ первый, непонятный,
Открывшій мнѣ едино шю,
Что Ты еси источникъ блага,
Что я и немощенъ и слѣпъ;

Но давшій мнѣ въ семъ мракѣ око
Ошъ блага злое опличать,
И все здѣсь року покоряя,
Свободы не лишившій насъ!

Что совѣсть дѣлать понуждаешъ,
То паче неба да люблю;
Но то мнѣ будь страшнѣе ада,
Что совѣсть дѣлать не велишь!

Да буйно не отвергну дара
Твоей щедроты и любви!
Доволенъ Ты, когда онъ пріянешъ —
Вкушая даръ, Тебѣ служу.

Но къ сей земной и бренной жизни
Да вѣкъ не буду прилѣпленъ;
Не чшу себя единой шварью
Творца безчисленныхъ міровъ!

Не дай рукъ моей безсильной
Брать стрѣлы грома Твоего,
И всѣхъ разить во гнѣвѣ зломомъ,
Кого почшу Твоимъ врагомъ!

Когда

Когда я правъ, то дай мнѣ, Боже,
Всегда во правдѣ пребывать;
Когда не правъ, разсѣй шуманы,
И правду въ свѣшѣ мнѣ яви!

Да шѣмъ безумно не хвалюся,
Что даръ естъ благости Твоей;
Да ввѣкъ за то ропшашь не буду,
Чего, Премудрый, мнѣ не дашь!

Да въ горѣ съ ближнимъ сострадаю,
Сокрою ближняго порокъ!
Какъ я оставлю долги братьямъ,
Такъ Ты остави долги мнѣ!

Бывъ слабъ, тогда бываю силенъ,
Когда Твой духъ меня живишь —
Веди меня во дни сей жизни,
И въ смерти, Боже, не оставь!

Въ сей день мнѣ дай покой и пищу;
Что сверхъ сего подъ солнцемъ ешь
И нужно мнѣ, Ты лучше знаешь —
Твоя будь воля ввѣкъ и ввѣкъ!

Тебѣ, Чей храмъ есть все пространство,
Олтарь земля, моря, эфиръ,
Тебѣ вся шварь хвалу пой хоромъ,
Кури Натура еиміамъ!

АРКАДСКОЙ ПАМЯТНИКЪ.

Окончаніе.

Я В Л Е Н І Е XIV и послѣднее.

(Эвергета, Ллвra и Дорисъ съ другими пастухами и пастушками приходятъ съ сельскою музыкою, будучи украшены цвѣтами, и неся въ рукахъ миртовыйя вѣтви.)

Палемонъ, Лизіасъ, Дафна, Эвфемонъ.

Хоръ Пастуховъ.

Изъ руки твоей лѣтся
Всякой даръ на насъ, о Пань!
Ты плодами насъ питаешь,
Ты веселье проливаешь.
Даръ пріемля, Пана чтимъ;
Даръ вкусивъ, благодаримъ.

Палемонъ.

Отъ Пана произтекаетъ всякое щастіе наше; и вы, любезные друзья мои, берущіе участіе въ моемъ благополучіи, находите меня теперь въ такомъ возхищеніи, что языкъ мой никакъ не можетъ изъяснить чувствъ моего радостна-

го сердца, въ благодарности славящаго
всемогущаго Подашеля благъ.

Въ сей день заря, румянымъ свѣтомъ
Разсѣявъ мракъ, мой сонъ прервавъ,
Была мнѣ знакомъ къ новой скорби;
Я былъ въ уныніи, въ шоскѣ:
Но вдругъ душа возвеселилась,
И я пѣснь радости пою,
И слезы сладки проливаю,
Нашедши снова Дафну шамъ,
Гдѣ я построилъ ей гробницу,
И гдѣ оплакивалъ ее.

Х о р ъ.

Пойте, пойте пѣсни Пану!
Панъ печальныхъ веселишъ,
Панъ печали ушояешъ,
Панъ изшочникъ слезъ сушишъ.
Часпо мрачныя пустыни,
Гдѣ уныло бродимъ мы,
Онъ, внезапно освѣщаетъ
И Аркадіей шворитъ.

(Пляшутъ подъ музыкою.)

П а л е ж о н ъ.

Мяшникъ моей скорби будешъ те-
перь мяшникомъ моей радости, и гроб-
ница, посвященная Дафнѣ родительскою

нѣж-

вѣжностію, будешь брачнымъ олшаремъ
 ея. Да исчезнушъ печальные кипарисы!
 Насадише здѣсь, друзья мои, радостныя
 розы и миршы. А ты, прекрасной юно-
 ша — — (*Подводитъ Лизіаса и Дафну
 къ памятнику.*) Дайте мнѣ руки, дѣши
 мои! (*Складываетъ ихъ руки.*) Любише
 другъ друга, и будеше щасливы! Зав-
 шра луга и сшадa мои будушъ прида-
 нымъ любезной Дафны. Горестная жизнь
 моя приближается къ покою, и ушѣша-
 ясь шобою, вѣжная чеша, съ радостію
 ожидаю смерши.

Лизіасъ.

(*Въ продолженіи Палемоновой рѣчи надѣ-
 ваетъ на Дафну розовой вѣнокъ,
 которой былъ у него въ рукахъ; и
 между тѣмъ, какъ онъ съ Дафною
 поетъ, пастухи, составляющіе хоръ,
 пляшутъ и обсаживаютъ памятникъ,
 намѣсто кипарисовъ, миртами.*)

Вѣнокъ, любовію сплешенный,
 Прими, любезная моя!
 Сколь опышъ ни шяжелъ бываешь,
 Но вдругъ, награду получивъ,
 Въ возшоргъ все мы забываемъ,
 Всю грушъ и горестъ и шоску.

Д а ф н а (подавая ему руку)

Вошѣ шебѣ моя рука!
Сердцемъ ты давно владѣешь.
Должность, нѣжность и любовь
Купно вѣрность награждаютъ.
Вянушѣ, вянушѣ всѣ цвѣты;
Вянетъ цвѣтѣ и нашей жизни:
Но любовь всегда живетъ.

В м ѣ с т ѣ.

Кто въ бракѣ щастливо живетъ,
Ахѣ! пошѣ въ Аркадіи живетъ.

П а л е м о н ѣ.

Вы теперь конечно въ Аркадіи, любезныя дѣши! Невинность и любовь, мирѣ и радость въ сердцахъ вашихъ, благословеніе⁴ боговъ на васъ, доброжелательство людей вокругъ васъ — ахѣ! это истинная Аркадская жизнь! Наслаждайтесь ею; но не забывайте, что и вы когда нибудь выдете изъ Аркадіи.

Э в ф е м о н ѣ.

Гдѣ мирѣ, согласіе, любовь,
Вовѣки купно обитаютъ,
И гдѣ порокѣ всегда презрѣнъ;
Гдѣ чтутъ сязую добродѣтель,
И гдѣ награда есть она:

Э в с р -

Э в е р г е т а.

Гдѣ щастіе въ трудахъ находятъ;
Гдѣ старецъ какъ младенецъ простъ,
Невиненъ, нѣженъ и любезенъ;
Гдѣ отрокъ, юноша такъ мудръ,
Какъ старецъ опытный и умный:

В м ѣ с т ѣ.

Тамъ есть Аркадія для насъ.

Л а в р а.

Ешьли сердце будетъ ясно,
Такъ какъ утро въ красный день,
И безопасно, такъ какъ пшички;
Такъ цвѣшуще, какъ луга;
Прямо, просто, какъ Природа —

Д о р и с ѣ.

Крошко, какъ сердца ягнятъ;
Нѣжно, какъ сердца у горлицъ;
И покорно, какъ пшенецъ,
Всегда матери послушный —

Л а в р а.

Ешьли любимъ мы шруды,
Силъ своихъ не изпожая,
И довольны шѣмъ, что есть:
То вездѣ, куда ни взглянемъ,
Мы Аркадію узримъ.

*(Обѣ повторяютъ послѣднюю
строфу.)*

Х о р ъ.

Не мучьтесь никогда желаньемъ —

Вы, юныя сердца —

Найши Аркадію подъ солнцемъ!

Вы можете найши

Аркадію въ душѣ спокойной.

Ищите тамъ ее!

(Повторяютъ послѣдній стихъ.)

Конецъ Драмы.

Г И М Н Ъ (*).

Переводъ съ Англійскаго.

Четыре времена, въ премѣнахъ ежегодныхъ,
Ничто иное суть, какъ въ разныхъ ви-
дахъ Богъ.
Вращающійся годъ, Отецъ нашъ всемогущій,
Исполненъ весь Тебя. Пріятною весной
Повсюду красота Твоя, Господь, сіяетъ,
И нѣжность и любовь Твоя вездѣ видна.
Краснѣются поля, бальзамомъ воздухъ ды-
шетъ,
И эхо по горамъ разносится, звучитъ;
Съ улыбкою лѣса главу свою подвѣшаютъ —
Веселіемъ живутъ всѣ чувства и сердца.
Грядетъ къ намъ въ лѣтнихъ дняхъ Твоя,
о Боже! слава;
Повсюду на землѣ блистаетъ свѣтъ и жаръ;
Отъ солнца Твоего лѣтятся совершенства
На полнящійся годъ; и часто къ намъ Твой
глазъ,
Сводъ неба потрясъ, вѣщаетъ въ страшныхъ
громахъ;
И часто на зарѣ, въ срединѣ жарнихъ дней
Въ тѣнистомъ вечеру, по рощамъ и по полямъ,
Пріятно шепчетъ онъ въ прохладномъ вѣтеркѣ.

I 4

ВЪ

(*) Симъ Гимномъ заключаетъ Томсонъ свою
Поэму Seasons.

ВЪ обильной осени Твоя безмѣрна благость
И милость безъ конца бываетъ намъ явна,
Всеобще празднество для тварей учреждая.
Зимою спрашенъ Ты! Тамъ бури, облака
Свивая вокругъ себя, гоняя вьюгу вьюгой,
ВЪ величественной шѣмѣ на вихряхъ возносятся,
Ты мѣръ благоговѣшь со страхомъ заставляешь;
Нашуру всю смиришь шумливый Твой Борей!

О таинственный кругъ! Какой великой
Разумъ,

Какую Силу въ семъ глубоко ощутишь!
Простѣйшій сборотъ, но благо учрежденный, —
Столь мудро и добро, добро для тварей всѣхъ, —
Столь непримѣтно шѣнь въ другую пере-
ходитъ —

И въ цѣломъ, вмѣстѣ все такъ стройно,
хорошо,
Что всякой новой видъ вновь сердце возжи-
щаетъ.

Но часто человекъ, въ безуміи бродя,
Совсѣмъ не зришь Тебя, Твоей руки всемогущей,
Чертащей въ тишинѣ безмолвныхъ сферъ
пупи,
И дѣйствующей въ сей сокрытой, тайной
безднѣ,
Откуда чрезъ пары тѣ блага шлешь Ты къ
намъ,

Которыя весну всегда обогащаютъ; —
Руки, которая огнемъ плащій день
Изъ солнца прямо къ намъ на землю извер-
гаетъ,
Питаешь тварей всѣхъ, и бури мещешь внизъ;
Коме-

Которая — когда пріятная премѣна
Является вездѣ на радостной землѣ —
Возпоргомъ движетъ всѣ пружины жизни въ
мірѣ.

Внимай Нашура вся! и все, что въ ней
живетъ,
Соединись подъ симъ пространнымъ храмомъ
неба,
Усердіемъ горя, воспѣть всеобщій Гимнъ!
Пріятные пѣвцы, прохладные Зефиры,
Да вѣсте Тому, Чей духъ дышетъ въ васъ!
Вѣщайте вы о Немъ во тьмахъ уединенныхъ,
Гдѣ сосна на горѣ, едва качая верхъ,
Священныхъ ужасовъ мракъ тѣней исполняетъ!
И вы, копорыхъ ревъ слухъ издали разитъ,
И весь смященный міръ приводитъ въ ужасъ,
въ препетъ!

Возвысьте къ небесамъ свою бурливу пѣснь!
Повѣдайте, кто васъ столь грозно разъяряетъ!
Журчите вы ручьи; препещущій потокъ,
Журчите пѣснь Ему, хвалу Его гласите, —
Вѣщайте мнѣ сію сладчайшую хвалу,
Когда я въ тишинѣ глубоко размышляю!
Вы рѣки быспрыя, кипящи глубины —
Кропчайшая вода, блестящимъ лабиринтомъ
Текущая въ лугахъ — великій Океанъ,
Міръ тайный, міръ чудесъ, чудесъ неизчи-
слимыхъ!

Возкликните Его предивную хвалу, —
Того, Которой вамъ величественнымъ гласомъ

Шумѣть и ушкхать мгновенно, вдругъ ве-
лишь!

Чистѣйшій эмиамъ всѣ вкупѣ возкурите,
Травы, цвѣты, плоды, въ смѣшенныхъ обла-
кахъ

Тому, Которой васъ всѣхъ солнцемъ возвы-
шаетъ,

Дыханіемъ Своимъ вливаетъ запахъ сей,

И кистію Своей поль чудно изпеждаетъ!

Качайтесь лѣса, волнуйтесь нивы всѣ,

Волнуйтесь Ему, и пѣснь свою звѣдайте

Въ сердечный слухъ жнецу, когда идетъ до-
мой,

На отдыхъ по трудѣ, при лунномъ красномъ
свѣтѣ!

Вы спражи въ небесахъ, когда безъ чувствъ
земля

Въ глубокомъ снѣ лежитъ — созвѣдія! из-
лейте

Кротчайшіе лучи, когда на тверди сей,

Блещущей въ огняхъ, всѣ Ангелы играютъ

На лирахъ серебряныхъ! О ты, источникъ
дня,

Великаго Творца внизу эдѣсь лучшій образъ —

О солнце, что всегда изъ міра въ міръ лѣшь

Сей жизни океанъ! пиши на всей Натурѣ

Огнемъ лучей своихъ хвалу сего Творца! —

Гремятъ ужасный громъ! . . . Молчи благо-
говѣнно,

Преклоншій выю міръ, доколѣ облака,

Едины за другимъ, поютъ сей Гимнъ вели-
кій! —

Да

Да холмы возгласятъ блеяніе свое!

Удерживайте звукъ, громады мшистыхъ камней!

Долины да гласятъ опзывный громкій ревъ!
Великій Пастырь Царь, и Царство безмятежно
Сего Царя Царей еще придетъ впрѣдъ.

Проснитесь всѣ лѣса! изъ рощъ да изнесется
Пространнѣйшая пѣснь! Когдажъ мятежный
день,

Кончаяся, весь міръ вертящійся повергнетъ
Въ дремоту, въ крѣпкій сонъ: сладчайшая
изъ ящицъ,

Прогнеена сестра! плѣнная молчаша пѣни,
И ноци возвѣщай Премудраго хвалу! —

А вы, для коихъ все твореніе ликуетъ —
Вы сердце и глава всего, всего языкъ!

Вамъ должно увѣнчать сей важный Гимнъ
Природы!

Въ обширныхъ городахъ полпящійся народъ!
Соедини свой гласъ съ глубокимъ симъ орга-
номъ (*),

Долгоопзывный гласъ, которой по часамъ,
Сквозь толстый, шумный басъ, въ торже-
свенныя стойки

Прокзительно звучитъ; и какъ единый жаръ

Смѣ-

(*) Deep organ. Кто знаетъ музыку, по-
му не странно покажется выраженіе *глубокой органъ*, п. е. органъ, издающій
глубокіе тоны.

Смѣшаяся еѢ другимѢ, жарѢ общій увеличи-
читѢ,
ВѢ усердіи всѢ вдругѢ возвысите вы его, —
Возвысите всѢ свой гласѢ къ превыспреннему
небу!

Когда же лучше вамѢ густыя тѣни селѢ;
Когда для васѢ суть храмѢ священныя дуб-
равы:

То пусть всегда свирѣль пастушья, дѣвы
пѣснь —

Прелестный СеѣафимѢ, вѢ возпорги приводя-
щій —

И лира Бардова тамѢ Бога всѣхъ времяѢ,
Во все печенье ихѢ, согласно воспѣваютѢ! —
А естѣлибѢ я забылѢ лѣбезный свой пред-
метѢ,

Когда цвѣтутѢ цвѣты, лучь солнца жжетѢ
равнину,

И осень на землѢ, лія вѢ сердца возпоргѢ,
СіаетѢ и блеспитѢ; когда сѢ востока вѣспры,
Навѣя мракѢ на все, къ намѢ зиму при-
несутѢ:

То пусть тогда языкѢ мой вовсе онѣмѣетѢ,
УтратитѢ мысль моя всю живоспѢ, весь свой
жарѢ,

И, радостямѢ умревѢ, забудетѢ сердце
биться!

Хотя бы мнѢ судьба на отдаленный
край

Зеленыя земли сокрытѣя повелѣла —

ВЪ тѣ дальнія страны, гдѣ варвары жи-
вуть —
КЪ рѣкамъ, которыхъ вѣкъ не поминали
пѣсни —
Гдѣ солнце впередъ лучемъ своимъ златитъ
Верхи Индійскихъ горъ — гдѣ лучъ его ве-
черній
Блещаетъ средѣ Атлантскихъ остро-
вовъ: —
Равно то для меня, когда Господь присут-
ственъ
И чувствуемъ вездѣ: въ пустыняхъ и сте-
пяхъ,
Равно какъ въ городахъ, наполненныхъ наро-
домъ —
Гдѣ жизнью дышетъ Онъ, тамъ радость быть
должна.
Когда же наконецъ наступитъ часъ важнѣйшій
Мистическій полетъ мой окрилитъ въ міры,
Которымъ были впредь: — я радъ повинно-
ваться;
И тамъ, усилясь вновь, начну я воспѣвать
Велики чудеса, которыхъ увижу.
Куда я ни пойду, вездѣ, вездѣ узрю
Всеобщія Любви блаженную улыбку;
Любви, Которою круги міровъ стоятъ,
Живутъ всѣ ихъ сыны; и Коя вѣчно благо
Выводитъ изъ того, что кажется намъ
зломъ,

Изъ блага лучшее, и лучшее во вѣки — —
Конца сей дѣли нѣтъ. Но я теряюсь въ Немъ,
Теряюсь совсѣмъ въ *Неизреченномъ Свѣтѣ*.
Молчаніе! гряди вѣспѣвно вникать,
Вникашь въ хвалу Его! — — — —

И Г Р А.

Какъ щасливѣ потѣ человѣкѣ, ко-
шорой никогда не заражался язвою игры!
Язва сія тѣмѣ опаснѣе, что часто са-
мые лучшіе люди отъ нее погибаютѣ.
Для забавы или для компаніи начинающѣ
игратѣ; выигрышѣ и проигрышѣ подающѣ
новой поводѣ продолжатѣ игру — и на-
конецѣ проигрываютѣ деньги, спокой-
ствіе, время, совѣсть и все, все!

Эпиграмма Нѣмецкаго Спихошвор-
ца Логау.

Игру забавой называютѣ!
Спросижь у игрока,
Которой много проиграетѣ:
Забавна ли игра?

У д'Абланкурта былѣ слуга Бассанѣ.
Господинѣ игралѣ и — проигралѣ. Бас-
санѣ, смотрѣвшій на игру, дернулѣ его
за кафтанѣ и сказалѣ ему на ухо: *Ахѣ,*
сударь! вы проигрываете всѣ деньги на-
ши, а послѣ мнѣ надобно будетѣ отпла-
чиваться спиною!

ВЪ Англіи была модная игра, называемая *дрель*, въ которую играли при Дверѣ и во всѣхъ знашныхъ домахъ, и которая дошла наконецъ и до Франціи. А какъ суммы, проигрываемыя въ сію азардную игру, были такъ велики, что не лъзя было носить въ карманѣ нужныя на шо деньги: шо для удобства изобрѣли марки, которыя въ коробочкѣ носили съ собою. На одной споронѣ сихъ марокъ означалось число 10, 20, 30, 100, 1000 луйдоровъ, а на другой споронѣ имя игрока. Такимъ образомъ служили онѣ вмѣсто векселей, которые на другой день выкупали наличными деньгами. Господинъ де ла Воналери, Совѣтникъ Парижскаго Парламента, просилъ жену свою заказать ему такую коробочку съ марками. Она исполнила его прозьбу; но на другой споронѣ марокъ велѣла изобразить себя вмѣстѣ съ дѣтьми своими, и написать вверху: *Не забывай насъ бѣдныхъ!*

его Томсона, пошелъ за городъ прогуливаться. Я задумался, забылся, шелъ и не зналъ, куда. Между тѣмъ приближался вечеръ. Пришедши на берегъ рѣки, и обративъ на нее глаза свои, увидѣлъ я въ чистыхъ водахъ ея образъ солнца. Вдругъ разсѣялись меланхолическія мысли мои, подобно какъ ушренніе туманы разсѣваются отъ перваго блеска яснаго дня. Облегченіе, свобода, веселіе, вливались въ меня съ воздухомъ. Приятности вечера вокругъ меня толпились. Величественное солнце, свершивъ кругъ дневнаго шеченія своего, готовилось погрузиться въ бездны океана. Свѣтъ его не былъ уже сей ослѣпляющій свѣтъ, кошорой въ часы полудня не позволялъ оку человѣческому взирать на сего Царя міра нашего: я безпрепятственно могъ его разсматривать. Укрошивъ свое сіяніе, ни мало не лишилось оно своего величества. Взирая на него нѣсколько времени, размышлялъ я: ~~Великолѣпное~~ свѣтило! сколько вѣковъ освѣщаешь ты міръ нашъ! Сколько тысячелѣтій питаешь его живошворными своими вліяніями! Коликое число мудрыхъ, вѣдавшихъ таинственныя твои дѣйствія, отъ начала міра воспѣвали силу твою. въ гимнахъ торже-

ствен-

свенныхъ! Индія и Аравія издревле были исполнены почишателей своихъ: гдѣ же шеперь всѣ сіи мудрецы? Но ты, постоянное свѣтило, не ослабѣваешь въ своемъ печеніи; свѣтя всегда съ равнымъ блескомъ, во всякомъ вѣкѣ находишь новыхъ почишателей, новыхъ воспѣвателей чудесныхъ силъ своихъ. Бывъ свидѣтелемъ тысячи переменъ на землѣ нашей, ты ни въ чемъ не переменился. Въ сей день, въ сей часъ, въ сію ми ушу, за пять или за шесть тысячъ лѣтъ предъ симъ, какой нибудь мудрецъ, котораго память загладилась уже въ лѣтописяхъ нашихъ, павъ на колѣни, со благоговѣніемъ возклидалъ къ тебѣ: „Солнце заходящее, „величественный образъ величественнѣйшаго Творца своего! уже ты сокрываешься „опъ насъ, окончавъ дневный путь свой; „но завтра пакѣ явишься ты на горизонтѣ „шѣ возвѣщаешь славу Творца своего! „ — Тщешно ложные мудрецы спараются увѣрять, что ослабѣлъ жаръ твоего пламени! Неизшощимъ Источникъ, наполняющій себя свѣтомъ: неизшощимо и ты въ изліяніяхъ своихъ, и пребудешь дошолъ неизшощимо, доколѣ поставившій тебя на шверди не воззоветъ къ тебѣ: *Сокройся!* —

Я размышлялъ и чувствовалъ. Мысль съплялась съ мыслию, чувство сливалось съ чувствомъ. Глаза мои не совращались съ солнца, которое опустилось весьма низко на горизонтъ. Уже начинало оно скрываться. Половина круга его зашла за горизонтъ, отбрасывая еще лучи свои на тонкія облака, по западу разбѣянные, и украшая ихъ различными цвѣтами. По томъ скрылось все солнце; но лучи его освѣщали еще вершины горъ, въ отдаленіи представлявшихся взору моему. Скоро и сей слабый свѣтъ сокрылся, и тонкія тѣни мгновенно покрыли небо. Куда же сокрылось ты, пышное свѣтило? Ахъ! почто не всегда освѣщаешь ты насъ? Безразсудное, но весьма естественное желаніе! Нѣтъ, ты довольно живило насъ свѣтомъ своимъ. Теки, теки, куда влекутъ тебя вѣчные законы твоего движенія! Теперь нужно твое присутствіе на другомъ краю міра вашего, гдѣ дикіе народы встрѣтятъ тебя съ радостію, и на разныхъ языкахъ благословятъ твое пришествіе.

Вдругъ замолкли всѣ птицы, которыя до сей минуты пѣли въ орѣховомъ лѣску, и гармонією пѣсней своихъ услаждали мое сердце; каждая пара искала се-

бѣ покойнаго убѣжища на ночное время! Настала глубокая тишина, прерываемая однимъ журчаніемъ быстрой рѣки и ручьевъ, спремившихся по зеленому лугу. Тѣни вечера сгущались болѣе и болѣе. Наконецъ всѣ предметы сокрылись отъ глазъ моихъ; все для меня исчезло, все, кромѣ — меня самого. Священная тишина, ужасъ сердца порочнаго, стихія невинности, убѣжище мудрыхъ, святилище добродѣтели! да не шрепещетъ сердце мое въ твоихъ объятіяхъ! или да будешь шрепещъ его высочайшимъ возшоргомъ радости! Будь благословенна, тишина уединенія! и въ то время, какъ все видимое твореніе погружается въ глубокомъ снѣ, возбуждай меня къ священнымъ размышленіямъ, къ ближайшему собесѣдованію съ сердцемъ моимъ, и утишай въ немъ всякое волненіе, производимое бурями обдежитія. Да пробудятся всѣ духовныя силы мои, и да чувствую во глубинѣ души своей, что я существую! . . . И се разшекается сіе животворное чувство по всей внутренности моей! Ощущаю живо, что я живу, и емъ нѣчто ошдѣленное отъ прочаго, емъ совершенное цѣлое. — Чувство существования, въ единомъ человѣкѣ на

земля сей обитающе! колико ты для меня драгоценна! сколь возхитишешься для меня думать, что я вечно буду тобою наслаждаться!

Но только въ сіи же тихія, мрачныя, ночныя минушы могу представишь себя и небытіе — жаль — — но состояніе земли нашей, которое воспѣваетъ святой Еврейской Бардъ въ началѣ историческихъ своихъ Пѣсней: „Земля была дика и пуста, и мракъ покрывалъ бездну.“ — Все твореніе представляется мнѣ теперь мертвымъ шлоомъ — нѣтъ жизни, нѣтъ дыханія. Шумъ быстрыхъ водъ уподобляется шуму волнъ первобытнаго океана, поглощавшаго неустроенную землю — шумъ, утишенный гласомъ Творческимъ:

*Волны шумящи молчите! бездна мятежна
на спокойся!*

Сія мрачность представляетъ мнѣ и будущее состояніе мое, когда меня, помятагося на одрѣ болѣзни, застигнетъ смертная ночь. Зайдетъ солнце жизни; издалека буду внимать шумящимъ волнамъ моря вѣчности. . . . Сердце бьется; ужасъ разливается по всѣмъ нервамъ — Но утѣшься! Скоро гласъ Элогима

гима воззоветъ къ солнцу вѣчной швоей жизни: *явися!* Взойдетъ оно, и свѣтъ его проникнетъ все существо швое. —

Между тѣмъ разсѣялись облака; открылась свѣтлая небесная лазурь, блистательными звѣздами усѣянная. Явилась полная луна во всемъ своемъ великолѣпнн; явилась сія скромная Царица nocturnalнаго неба, которая вливаетъ священное вдохновеніе въ сердца Бардовъ — которая, изливая сребристый свѣтъ на главу Брипанскаго Пѣвца, исполняла сердце его небесныхъ возторговъ. Упоенный сими возторгами, воспѣлъ онъ намъ красоту ноши, красоту швою, цѣломудренная Циншія! и Пѣснь и Пѣвецъ бессмертными учинились. Имя Иэнгово будетъ во вѣки священно для тѣхъ, которые, имѣя нѣжныя сердца, чувствуютъ красоты Натуры, чувствуютъ — достоинство человека. О дабы ты, прекрасная Циншія, вливая въ меня пріяшныя и порядочныя сновидѣнія [ибо сновидѣнія отъ тебя производятъ: такъ поетъ любимецъ швой], насаждала въ сердце мое шме-на къ гармоническимъ пѣснямъ! О дабы мечты мои уподобились нѣкогда мечтамъ Омировымъ и Оссіановымъ [ибо рядъ образовъ, зеркалу воображенія ихъ пред-

спавлявшійся, называли они симъ именемъ], которыхъ Пѣсни понынѣ суть источникъ пользы и удовольствія для смертныхъ, посвященныхъ въ Мистеріи Поэзіи! —

Взирая на небесное пространство, на тысячи звѣздъ, увѣрился я въ истиннѣ Виландова замѣчанія. Подлинно, никогда человекъ столь сильно не ощущаетъ сродства своего съ Духами, какъ въ тихое время ночи, когда, удаляся отъ всѣхъ людей и забывъ все мірское, смотритъ на лазурное небо. Тогда кажется ему, будто весьма тонкая завѣса скрываетъ отъ него міръ безтѣлесный. Нервы духовнаго зрѣнія его чувствуютъ легкія сладостныя впечатлѣнія духовныхъ предметовъ, которыхъ лучи проникаютъ сквозь сію завѣсу. Въ одну секунду, кажется, можетъ онъ перенестися въ блаженныя обители Духовъ блаженныхъ; сообразиться съ ними всѣмъ существомъ своимъ, и, подобно каплѣ, влиться въ океанъ ихъ удовольствій.

Такъ мечтаетъ разпаленное воображеніе. Но сколько же и существенныхъ удовольствій можетъ влиться въ сердце картина мощнаго неба! Какое пространное

ное

ное поле открывається для дѣйствій моего разума! Возприми же, разумъ мой! обойми множество предметовъ, шебъ представляющихъ; восися по небесамъ, и чувствууй величіе Бога своего!

И такъ всѣ сіи звѣзды суть міры, или солнцы неизчислимыхъ міровъ! Какое ужасное пространство занимають швари Бога нашего! Вообрази, въ какой отдаленности находится земля наша отъ освѣщающаго ее солнца; представя, что она, естли бы могъ я вознестися въ солнце и отшуду обратишь на нее взоръ мой, показалась бы мнѣ самамалѣйшею точкою, — удивляюсь, какъ лучи сего свѣтила, доходя до насъ, могутъ имѣть еще столько силы, столько пишательнаго огня, живящаго міръ сей. Но сколь же шрудно мнѣ найти такое число, которое могло бы означить отшстояние наше отъ звѣздъ, представляющихся мнѣ въ видѣ пунктовъ, и никогда для глазъ моихъ не переменяющихъ своего мѣста — отъ сихъ звѣздъ, къ которымъ въ нѣкоторое время года бываемъ мы припцатью шестью милліонами миль ближе, нежели въ другое, но которыхъ величина ни мало для насъ не прибавляется, даже и тогда, когда смотримъ на нихъ

въ наилучшіе телескопы! Сіи свѣтила —
которыя опѣ насѣ конечно въ нѣсколько
сотѣ тысячъ разѣ далѣе, нежели мы опѣ
солнца — и между собою находятся въ
ужасномѣ разстояніи, сколь оно глазамѣ
нашимѣ ни мало кажется; и естли бы
я могѣ приближиться къ одному изѣ нихѣ,
то конечно бы почелѣ оное солнцемѣ, а
всѣ прочія показались бы столь же малы-
ми, какѣ и шеперь; и самое солнце наше
представилось бы мнѣ свѣплогою почкою.
Конечно не его свѣтѣ освѣщаетѣ сіи
звѣзды; не могѣ бы онѣ пренестись черезѣ
такое пространство, совсѣмѣ не разсѣ-
ясь и не исчезнувѣ. Нѣтъ, сіи свѣплыя
тѣла суть конечно единого стѣ нимѣ свой-
ства, суть сами солнцы, освѣщающія не-
видимые для насѣ міры — міры, безѣ
сомнѣнія населенные подобными намѣ
тварями, разумными, чувспвующими
тварями, познающими великаго Творца
своего въ дѣлахѣ Его, удивляющимися Его
премудрости, благости и всемогуществу,
и, можетѣ быть, еще болѣе насѣ имѣ-
ющими причину удивляться симѣ свой-
ствамѣ Его. Братія наши! — симѣ име-
немѣ осмѣливаюсь назвать васѣ: ибо и
мы сотворены тѣмѣ же великимѣ Богомѣ,
Которой васѣ сотворилѣ; и намѣ откры-
вается

вается Онъ въ дѣлахъ Своихъ — собратія наши, живущіе съ нами въ единомъ пространномъ дому Отца нашего! — ибо всѣ міры вкупѣ составляютъ одинъ великой домъ, которымъ правитъ Іегова — думаете ли вы, что въ такомъ олѣ васъ отдаленіи живутъ родственники ваши? Но вы конечно сіе чувствуете, будучи избыточно одарены разумными силами. Можетъ быть взоръ вашъ проницапельнѣе взора нашего; можетъ быть вы ясно видите землю нашу, видите всѣхъ человѣковъ, и, любя ихъ, сожалѣете, что они погружаются часто въ произвольномъ невѣжествѣ, слишкомъ много занимающа горстію земли, на которой живутъ, не разсматривая прилѣжно прекраснаго мірозданія, и вмѣстѣ съ вами не воспѣваютъ всегдашней хвалебной пѣсни Творцу всяческихъ.

Но дерзну ли обратишься къ Тебѣ, вѣчному плодотворному Изсточнику, изъ котораго изтекли всѣ міры со всѣми своими жишелями? Могу ли назвать Тебя именемъ, достойнымъ Твоего величія? Могу ли вообразить Тебя? Воображаю Тебя шворящаго; но я представляю себѣ единое швореніе, единое Твое дѣйствіе — существа Твоего вообразить не въ силахъ.

лахъ. Но покланяюсь Тебѣ, хотя и не могу понятьъ существа Твоего; покланяюсь Тебѣ въ семъ великолѣпномъ храмѣ, въ которомъ Ты всегда присутствуешь; упадаю на колѣни, проспираю къ Тебѣ, Невидимому, руки свои, и со слезами радостнаго возхищенія благодарю Тебя за то, что Ты сотворилъ меня, и со-творилъ человѣкомъ; что Ты даровалъ мнѣ способность чувствовать и рассу-ждать — чувствовать свое и Твое бытіе, рассуждать о Тебѣ и себѣ самомъ, — рассуждать о свойствахъ Твоихъ и мо-емъ назначеніи по видимому мірозданію, дѣлу рукъ Твоихъ, и по собственному моему существу! Благодарю Тебя за дан-ную мнѣ надежду узрѣшь Тебя нѣкогда яснѣе, когда, свергнувъ съ себя нынѣ-шнее грубое шѣло свое, возмогу сносить свѣтъ, окружающій престолъ Твой! — Ожидая сей блаженной минуты — умолкаю, и въ молчаніи Тебѣ покла-няюсь.

Долго былъ я въ сладостномъ воз-торгѣ, производимомъ въ разумномъ су-ществѣ живымъ чувствомъ величія и благоспш Бога его. Но человѣкъ, въ шеперешнемъ его состояніи, не можетъ все-гда цпшать въ сердцѣ своемъ сего чувства.

Мало

Мало помаму паки низпадаѣ духъ мой
отъ сферъ небесныхъ къ земному жили-
щу своему. Напряжение ослабило душев-
ныя силы мои, и я погрузился въ нѣко-
торое забвеніе. Но между тѣмъ внималъ
я пѣнію Филомелы. Давно уже сія воз-
хитительная пѣвица воспѣвала свои гимны;
но только въ сіи минушы душевнаго раз-
слабленія почувствовалъ я всю сладость
ея пѣнія. Никогда Маркеси и Тоди не
пѣли для меня столь пріятно. Глаза
мои начинали закрываться, и бальзами-
ческій сонъ низпустился на мои зѣницы.
Могу ли описать пріятность такого за-
сыпанія! — Я лежалъ на мягкой благо-
вонной травѣ, питался чистѣйшимъ воз-
духомъ, внималъ пѣнію соловья и жур-
чанію попоковъ, чувствуя во всемъ сво-
емъ составѣ нѣкоторое пріятное расслаб-
леніе; и въ самую шу минушу благодѣтель-
ный сонъ начиналъ закрывать глаза
мои, — и нѣжное прикосновеніе его бы-
ло столь пріятно, столь пріятно
Но сіе можно только чувствовашь.

Около трехъ часовъ продолжался мой
сонъ. Наконецъ вѣспникъ утра, парив-
шій надъ моею головою, разбудилъ меня
раннею своею пѣснію. Съ какимъ радо-
стнымъ

спнымъ чувствомъ открылъ я глаза свои! Показывалась заря, и предметъ за предметомъ открывался взору моему. Земля снова шворилася, бывъ дополъ во мракъ, въ смерти. Свѣтъ упренный, разливаясь повсюду, разливалъ жизнь — все пробуждалось, все оживало! Но все было тихо. Обновленная Нашура въ торжественномъ молчаніи готовилась принять огненнаго Царя своего, паки на нашъ горизонтъ шедшаго. Всѣ пернатые были въ движеніи, порхали съ куста на кустъ, и приготовлялись къ пѣнію упренней пѣсни. Между тѣмъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ я на множество бѣлыхъ паровъ, въ видѣ столповъ поднимавшихся отъ рѣки и ручьевъ; извиваясь и пончая, возносились они къ облакамъ, и наконецъ исчезали. Скоро показалось на возпокъ бѣлое пятно — знакъ приближенія солнца. Я вспалъ и возшелъ на самую вершину холма, чтобы взоромъ своимъ скорѣе встрѣпить пышное свѣтило. Вдругъ блеснулъ яркій лучъ свѣта, и начало показываться солнце, лучами увѣнчанное. Въ самое сіе мгновеніе возгласили птицы громкую пѣснь; я съ благоговѣніемъ палъ на колѣни, и по сердечному движенію запѣлъ:

*Се лажи, Боже! посылаешъ
Къ намъ вѣстника щедротъ Своихъ,
И снова блага изливаешъ
На тварей и сыновъ Твоихъ!*

Нѣсколько минутъ провождалъ я глазами величѣнное солнце въ пущи его. Наконецъ, исполненный почтенія къ Творцу, и разныхъ сладостныхъ чувствъ, пошелъ я въ городъ, и дорогою читалъ Томсоновъ Гимнъ, которымъ заключаетъ онъ безсмертную свою Песню. Во весь тотъ день чувствовалъ я необыкновенное веселіе въ сердцѣ, и во всемъ шѣлъ пріятную свѣжесть.

РѢДКОЕ ВЕЛИКОДУШІЕ.

Анекдотъ.

Одинъ впрочемъ весьма искусной лѣ-
карь въ Парижѣ былъ такъ неща-
стливъ, что у Маркизы Вилласерфъ
перерѣзалъ по поламъ пульсовую жилу.
Скоро сдѣлался Аншондвѣ огонь, и над-
лежало опнимать руку. Но сія операція
была: также несчастлива, и Маркиза ни-
какъ уже не могла избавишься отъ смер-
ти. Съ совершеннымъ спскойствіемъ
духа сдѣлала она завѣщаніе, въ кошо-
рое включила слѣдующія слова: *Неща-
стному лѣкарю опредѣляю пенсію по
смерть его, предвидя, что сей бѣдной
человѣкъ лишится впредь всей практики,
и слѣдственно будетъ безъ пропитанія.*

ЕВГЕНІЙ и ЮЛІЯ,

Русская истинная повѣсть.

Cessez, et retenez ces clameurs lamentables,
Faible soulagement aux maux des miserables!
Fléchissons sous un Dieu qui veut nous éprouver,
Qui d'un mot peut nous perdre, et d'un mot
nous sauver!

Госпожа Л*, проведшая все время своей молодости въ Москвѣ, удалилась наконецъ въ деревню, и жила тамъ почти въ совершенномъ уединеніи, утѣшаясь своею воспитанницею, дочерью покойной ея пріятельницы, кошорая въ послѣдній часъ жизни своей, пожалвъ ея руку, сказала: „Будь матерью моею Юліи!“,

Подобно тихой прозрачной рѣкѣ стекла мирная жизнь ихъ, спруившаяся невинными удовольствіями и чистыми радостями. Праздность и скука, кошорыя угнѣтаютъ многихъ деревенскихъ жителей, не смѣли къ нимъ приближиться. Онѣ всегда чѣмъ нибудь занимались; сердце и разумъ ихъ были всегда въ дѣйствіи. Едва мрачныя ночныя тѣни исчезашь начинали; едва румяный свѣтъ

Часть XVIII. No. 25. Л зари

зари начиналъ разливатся по воздуху — Госпожа Л*, пробуждаясь вмѣстѣ съ Природою, нѣжными ласками прерывала покойный сонъ Юліи, и призывала ее пользоваться пріятностями утра. Обнявшись, выходили онѣ изъ дому; дожидались солнца, сидя на высокомъ холмѣ, и встрѣчали его съ благословеніемъ. Насладясь симъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ Природы, возвращались онѣ домой съ чувствомъ веселія, ходили по саду, осматривали цвѣты, любовались ихъ освѣженною красою и пилились амброзическими изпареніями. Госпожа Л*, посмотрѣвъ на пышную розу, часто съ улыбкою обращала взоръ свой на Юлію, находя между ими великое сходство. Но Юлія любила болѣе всѣхъ цвѣтшвъ фіялку. „Миленькой цвѣточикъ! товаривала она, прикасаясь нѣжными устами своими къ ея листочкамъ: миленькой цвѣточикъ! напрасно скрываешься въ густотѣ травы: я вездѣ найду тебя.“ — Говоря сіе, клялась внутренно быть всегда смиренною подобно любезной своей фіялочкѣ. Послѣ обѣда хаживали онѣ сматрѣть полевья работы поселянъ, которые въ присутствіи ихъ шрудились съ радостію. Вечеръ приносилъ съ собою

новыя удовольствія. Смотрѣли на заходящее солнце; смотрѣли, какъ крошкія овечки при звукахъ пастушеской свирѣли бѣгутъ демой, блеютъ и прыгаютъ — какъ упрямые поселяне одинъ за другимъ возвращаются въ деревню — и слушали, какъ они, бывъ довольны успѣхомъ работъ своихъ, въ простыхъ пѣсняхъ благословляютъ мать Натуру и участь свою.

Когда же наступала пасмурная осень, и густымъ мракомъ все швореніе покрывала — или свирѣпая зима, отъ Сѣвера несущаяся, потрясала міръ бурями своими; когда въ нѣжное Юлино сердце вкрадывалась томная меланхолія, и тихими вздохами колебала грудь ея: тогда брались за книги, безсмертныя шворенія истинныхъ Философовъ, писавшихъ для пользы рода человѣческаго; тогда читали и перечитывали письма любезнаго Евгенія, сына госпожи Л*, учившагося въ чужихъ краяхъ. Иногда при чтеніи сихъ писемъ глаза Юлины наполнялись слезами — пріятными слезами любви и почтенія къ благоразумному и добросердечному юношѣ. „Ахъ! когда онъ къ намъ пріѣдетъ? часто говаривала Гос-

пожа Л*: какъ щастлива буду я, когда его увижу, прижму къ всему сердцу, и себя съ нимъ вмѣстѣ, Юлія!,,

Такъ шекли дни, мѣсяцы и годы. Настало время, въ которое молодому Л* надлежало возвратиться въ отчество и въ объясія своей матери. Всякой день ждали его, и все о немъ говорили. Гуляя по цвѣшущимъ лугамъ — тогда было еще начало лѣта — безпрестанно по-сматривали на большую дорогу. Когда поднималась вдали пыль, сердца, ожиданіемъ помимыя, шрепешать начинали. Прогуливались долѣе обыкновеннаго; медляли обѣдешъ, медлили ужинать, надѣясь, что пріѣдетъ сынъ, пріѣдетъ брашецъ — съ самаго дѣшства Юлія привыкла называшъ Евгенія симъ именемъ.

Наконецъ онъ пріѣхалъ. Возкличанія, возторгъ, радостныя слезы — кто все сіе описать можешъ? Нѣсколько дней не могли они отъ радости опомниться. Юлія — по скромности, свойственнѣйшей молодой благонравной дѣвушкѣ — старалась удерживать сильныя движенія своего сердца, но не всегда могла удержашъ ихъ. Молодой пылкой человекъ, возпи-
шав-

шанный съ нею вмѣстѣ и любившій ее какъ сестру свою, послѣ такой долго-временной разлуки требовалъ отъ нее новыхъ увѣреній въ любви Юлія должна была обходиться съ нимъ такъ же вольно, такъ же просто, какъ и въ дѣтствѣ. Онъ непременно хотѣлъ, чтобы она всегда говорила ему *ты*, а не *вы*; сего послѣдняго слова не могъ онъ пер-пѣть въ устахъ своей Юліи. „Какъ бы я былъ несчастливъ — говорилъ онъ шогательнымъ голосомъ — есшли бы разлука хотя нѣсколько прохлала швою любовь ко мнѣ, хотя нѣжный жаръ дружбы, которой составлялъ шастіе моего младенчества! . . . Нѣшъ, сестрица! шы меня конечно такъ же любишь, какъ и прежде; собственное мое сердце меня въ томъ увѣряетъ. Хотя, распавшись съ вами, перешелъ я совсѣмъ въ новой мірѣ, гдѣ меня все занимало, все изумляло; однакожь мысль о васъ — о ма-шущкѣ и о шебѣ — была всегда пер-вою и пріятнѣйшею моею мыслию. Пом-нишь, какъ мы прощались, когда Евгений, проливая слезы, сказалъ шебѣ прерыва-ющимся голосомъ: Юлія! я буду всегда нѣжнѣйшимъ другомъ швоимъ! — Эта сцена никогда не выходила изъ памяти

моей. „ — Юлія отвѣчала ему одною улыбкою; но сія улыбка сказывала ему все. Госпожа Л* въ радости обнимала сына своего и Юлію.

Хозяйки водили Евгенія по всѣмъ лучшимъ мѣстамъ въ окрестности своей деревни, и показывали ему прекрасные виды, открывающіеся съ вершины зеленыхъ холмовъ. „Подъ эшимъ высокимъ вязомъ, говорила ему госпожа Л*, ты часто сиживалъ съ Юлією; часто бѣгивалъ съ нею по этому лугу; въ этомъ лѣску брали мы землянику — и когда Юлія, не умѣя искашь ягодъ, грустила: ты шихонько подбѣгалъ къ ней, и пересыпалъ свои ягоды въ ея корзинку. На этой долинь вы заспавили меня однажды плакать и благодарить Бога. Помнишь ли? Нѣтъ, ты уже все забылъ. Такъ я расскажу тебѣ. Мы гуляли по роцѣ. День былъ очень жарокъ. Вышедши на долину, увидѣли мы лежащаго на шравѣ спарика, кшорой едва дышалъ отъ усталости и зноя. Ты потчасѣ бросился къ нему, посмотрѣлъ на него пристально, вдругъ побѣжалъ къ рѣкѣ, схватилъ съ себя шляпу, почерпнулъ воды, возвратился къ спарикѣ, напоилъ его и смылъ

у него съ лица пыль; а Юлія обтерла его платкомъ своимъ. Боже мой! какъ я радовалась вами, видя такіе знаки чувствительности вашего сердца!

Гуляя при свѣтѣ луны, разсматривали звѣздное небо, и дивились величеству Божію; внимая шуму водопада, разсуждали о безсмертіи. Сколько высокихъ, нѣжныхъ мыслей сообщали они другъ другу, бывъ оживляемы духомъ Натуры! Какъ возвышалось сердце молодого чело-вѣка, когда онъ въ лицѣ Юліи разсматривалъ образъ спокойной невинности, освѣщаемый лучами шихаго свѣшила!

Евгеній подарилъ Юліи множество нотъ, множество Французскихъ, Италіанскихъ и Нѣмецкихъ книгъ. Она прекрасно играла на клавесинѣ и пѣла. Клопштокова пѣсня: *Willkommen silberner Mond!* къ которой музыку сочинялъ Кавалеръ Глукъ, ей опмѣнно полюбилась. Никогда не могла она безъ сердечнаго размягченія пѣть послѣдней строфы, въ которой Глукъ такъ искусно согласилъ тоны съ чувствами великаго Поэта. — Крошкія, нѣжныя души! вы однѣ знаете цѣну сихъ Виршуозовъ, и вамъ единствен-

но посвящены ихъ безсмертныя сочиненія! Одна слеза ваша есть для нихъ величайшая награда.

15 Августа минуло Евгенію двадцать два года, а Юліи двадцать одинъ. Утренняя пѣнь птичекъ разбудила юношу. Онъ открылъ глаза, и въ предметы вокругъ его улыбнулись. Вставъ съ веселіемъ, спѣшилъ онъ къ своей родительницѣ. Она сидѣла въ задумчивости, облокотившись на окно, подлѣ котораго на молодой яблонѣ лбызались двѣ голубицы; — на челѣ ея видны были знаки небесныхъ чувствъ. Евгенийъ смотрѣлъ на нее съ глубокимъ почтеніемъ, не смѣвъ перервать ея размышленія. Но сердце ея скоро почувствовало приходъ любезнаго сына; она вспала, обняла его и благословила день его рожденія. Вошла Юлія. Легкое бѣлое платье съ розовыми лентами, распущенные волосы, радостная усмѣшка — все сіе возвышало красоту ея. Она легла въ объятія своей вознищательницы. Евгенийъ цѣловалъ ея руку. Госпожа Д * села на софу, посадила подлѣ себя дѣшней своихъ, смотрѣла на нихъ съ умильною любовію, и начала говорить: „Богъ видишь, что я васъ равно люблю —
серд-

сердце мое признаетъ Юлію своею дочерью. Я всегда радовалась взаимною вашею любовію — веселилась, что Богъ даровалъ мнѣ такихъ милыхъ дѣтей. Признаюсь, я боялась, чтобы ты, сынъ мой, просвѣщая свой разумъ, не развратился въ сердцѣ, которое у тебя такъ мягко. Часо на колѣняхъ взывала я къ Богу: спаси моего сына! — Онъ услышалъ молитву мою, и ты возвратился къ намъ съ большими знаніями и съ неизпорченными чувствами. Не правда ли, что и въ Юліи нашелъ ты новыя достоинства? Она была предметомъ всѣхъ моихъ попеченій; я старалась ее научить всему тому, что сама знала. Богу открыто было мое намѣреніе, а теперь и вамъ его открою. Я готовила васъ другъ для друга. Вы другъ друга достойны, другъ друга любите: совершите же благополучіе мое и соединитесь вѣчнымъ священнымъ союзомъ! „ — Евгенийъ вдругъ вспалъ, бросился къ ногамъ матери своей, и могъ сказать только: „Машушка! . . . машушка!“, Юлія приклонила голову свою ко груди ея, и въ безмолвіи жала ея руку. Евгенийъ одною рукою обнялъ мать свою и Юлію Блаженныя Патриархальныя времена, въ

которыя добродѣтельный юноша безъ всякой боязливой застенчивости, означающей разплѣнную порокомъ душу, прижималъ къ груди своей добродѣтельную дѣвицу! одна минуша излетѣла изъ глубины вашей, вырвалась изъ объятій вѣчности, васъ поглотившей, возвратилась въ міръ и ошастливила юнаго Евгенія! — Блаженствуйте дѣти мои! говорила Гж. Д*: блаженствуйте ко щастію матери вашей! Ахъ! достойна ли я такого блаженства! сказала Юлія: ваши милости — — „Ты для меня небесный даръ, Юлія — даръ, котораго едва смѣлъ я желать во глубинѣ своего сердца. „ —

Если бы Рафаель увидѣлъ сію сцену, то онъ забылъ бы писать картину, и въ возхищеніи бросилъ бы кисть свою.

Всѣ домашніе, узнавъ, что Евгенийъ скоро будетъ супругомъ Юліинымъ, были въ себя отъ радости; всѣ любили его, всѣ любили ее. Всякой спѣшилъ къ обѣднѣ; всякой хотѣлъ отъ всего сердца молиться о благополучіи ихъ. Какое зрѣлище для Ангеловъ! Евгенийъ и Юлія составляли одно сердце, въ пламени молитвы къ

небе-

небесамъ возпарявшее. Госпожа Л * въ жару благоговѣнія многократно упала на колѣни, поднимая глаза къ небу, и по томъ сбрацая ихъ на дѣшей своихъ. — Надлежало думать, что сіи сердечныя прощенья будутъ имѣть щастливья слѣдствія для юной чепы — что она будетъ многолѣтствовать въ непрерывномъ блаженствѣ, какимъ только можно смертному на землѣ сей наслаждаться. Но судьбы Всемогущаго сущь для насъ непоспимая тайна. Пребывая изкони вѣренъ законамъ Своей премудрости и благости, Онъ шворитъ — мы изумляемся и благоговѣемъ — въ вѣрѣ и молчаніи благоговѣть должны.

Будучи въ безпрестанномъ возшорѣ высочайшей радости, Евгенийъ около вечера почувствовалъ въ себѣ сильной жаръ. Онъ не хотѣлъ чувствовать его, хотѣлъ превозмогать Нашуру, и шайть сіе бorenіе; но внутреннее состояніе его скоро открылось пронцапельнымъ глазамъ нѣжной его родительницы и Юліи. Спрахъ разлился по всѣмъ нервамъ ихъ. Радость, подобно лѣтнему солнцу, скрылась за облако печальныхъ предчувствій; буря и громъ шайлись въ нѣдрахъ онаго.

Боль-

Больнаго положили на постелю — послали въ городъ за Докторомъ — всѣ были въ смященіи, но всѣ старались еще льстить себѣ надеждою. Такъ человекъ по нѣкоторому природному побужденію — можетъ быть щасливому — закрываетъ глаза свои, когда освѣщаетъ его лучъ будущихъ горестей!

Евгеній — не смотря на то, что пламя болѣзни стремилось въ немъ охватить всѣ прощолки жизни — просилъ печальную мать свою и плачущую Юлію успокоиться, увѣряя, что ему становится лучше; но огненные руки его и горящее лице обличали его въ неправдѣ. Три дни — въ которые ни Гж. А*, ни Юлія, почти не отходили отъ постели его и не смыкали глазъ — болѣзнь его по усиливалась, по уменьшалась. Приѣхалъ Докторъ, осмошрѣлъ больнаго и не сказалъ ничего рѣшительнаго. Казалось, что въ пятой день было ему гораздо легче: утѣшеніе блеснуло въ душахъ печальныхъ. Но въ шестой день пришелъ онъ въ безпамятство, и Докторъ сказалъ Юліи за шайну, что нельзя ручаться за жизнь его. Оцѣпенѣніе и обморокъ!

Боль-

Больной въ безпамятствѣ своемъ часто говорилъ съ жаромъ: „Я не хочу, не хочу съ нею распаться! . . . Только съ нею хотѣлъ бы я царствовать . . . Оставь меня, изкусишь, и не кажись Юліи!„ —

Въ девятой день, на самомъ разсвѣтѣ, душа Евгеніева оставила бренное тѣло. Изступленной матери казалось, что соборъ святыхъ Духовъ принялъ ее въ свои объятія, и съ громогласными пѣснями провождалъ по прострѣщамъ эира. Послѣ сей небесной мечты она почувствовала въ себѣ бодрость, и могла утѣшать Юлію, которая упала на грудь мершваго, и въ отчаяніи восклицала: „Другъ, супругъ мой! постой, постой! умремъ вмѣстѣ!„ — Насилу могли вывести ее изъ комнаты.

Черезъ три дни надлежало погребать тѣло. Всѣ дворовые люди и крестьяне присутствовали при семъ печальномъ обрядѣ, и проливали горькія слезы. Всякой хотѣлъ нести гробъ, и тѣмъ оказать послѣдній долгъ покойному. За гробомъ шла несчастная мать въ длинномъ черномъ платьѣ. Нѣмая горестъ изображалась на лицѣ ея; но сквозь глубокія черты сей горести сіяла швер-

твердость и святая надежда на Небесное подкрѣпленіе. Блѣдная, изнемогшая Юлія не могла сама итти; ее вели двѣ женщины подѣ руки въ нѣкопоромѣ опдаленіи отъ гроба. Ни одной капли слезѣ не видно было въ глазахъ ея, и никакихъ жалобъ устна ея не произносили; но въ сердцѣ своемъ чувствовала она всю шягость свершившагося удара.

Унылый гласъ похоронныхъ пѣсней, и видѣ гроба, опускаемаго въ землю, не могли поколебать мужества Гж. Л*. Но Юлія не могла уже вынести сей послѣдней сцены, громко закричала, и едва было безъ чувствъ не упала въ могилу; но Гж. Л* успѣла схватить и удержашь ее.

Такъ сокрылся изъ міра нашего любезный юноша. Прости, цвѣтъ добродѣтели и невинности! Прахъ твой покоится въ объятіяхъ общей матери нашей; но духъ, сославлявшій истинное существо твое, плаваешь въ безчисленныхъ радостяхъ вѣчности, ожидая своей любезной, съ кою не могъ онъ здѣсь соединиться вѣчнымъ союзомъ. Прости!

Гж. Л* и Юлія лишились въ сей жизни всѣхъ удовольствій, и живутъ во всегдашнемъ меланхолическомъ уединеніи. Самая Природа, бывшая нѣкогда для нихъ
изше,

изсточникомъ радостей, представляется имъ мрачною и запустѣвшею Единственную отраду свою находящъ онъ въ молитвѣ и въ помышленіи о будущей жизни. Въ слѣдующую весну Юлія насадила множество благовоющихъ цвѣтѣвъ на могилѣ своего возлюбленнаго; будучи орошаемы ея слезами, они разпускаются пахъ скорбе, нежели въ саду и на лугахъ. Молодая деревенскія дѣвушки и мальчики празднуютъ подлѣ сей могилы пришествіе грекраснаго Мая; но отцы ихъ и матери никогда безъ тяжелаго вздоха мимо ея не проходятъ.

Одинъ молодой чувствительной человекъ, проѣзжавшій черезъ деревню Гж. Л* и слышавшій сію печальную повѣсть, посѣтилъ гробъ Евгеніевъ, и на бѣломъ камнѣ, лежавшемъ между цвѣтѣвъ на могилѣ, написалъ карандашомъ слѣдующую эпитафію, которая послѣ была вырѣзана на особливомъ мраморномъ камнѣ:

*Сей райскій цвѣтъ не могъ въ семь мѣрѣ
разлуститься —
Увяль, изсохъ, олаль — и въ рай былъ
прзнесенъ.*

Праводушіе и Искренность, Анекдотъ.

Величайшіе мужи всѣхъ временъ почитали притворство за подлѣйшій порокъ, а искренность за высочайшую добродѣтель.

Въ 1588 году Герцогъ де Гизъ, сдѣлавъ возмущеніе, принудилъ Короля оставить Парижъ. Въ сіе время пришелъ Герцогъ къ Президенту Гарле. Сей старецъ прогуливался по саду, и такъ мало попревожился приходомъ Герцога и свиты его, что не оборачиваясь къ нему, шелъ прямо до конца алеи, и заставилъ его итти за собою. Когда же ему надлежало оборотиться и встрѣпиться съ Герцогомъ, то онъ въ короткихъ словахъ сказалъ ему: „Худо, когда слуга выгоняетъ своего господина! Впрочемъ душа моя принадлежитъ Богу, сердце Королю, а шѣло мое во власти всякаго злодѣя; пусть дѣлаютъ съ нимъ, что хотятъ!“

УТѢХИ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ ВЪ ИТАЛІИ.

(Изъ Италіянскаго еженедѣльнаго изда-
нія, подѣ заглавіемъ *Кофейной Домъ*)

Любезной другъ!

Я живу уже цѣлой мѣсяцъ въ здѣшняей
щасливой споронѣ, у самаго лю-
безнѣйшаго и разумнѣйшаго хозяина; и
одинъ только календарь можетъ увѣ-
рить меня, что я въ самомъ дѣлѣ живу
здѣсь столько времени. Сей увеселишель-
ной домъ находится въ двухъ миляхъ отъ
Кс. — слѣдственно я не могу бояться го-
родскаго шума и скучныхъ посѣщеній, и
припомъ пользуюсь тѣми выгодами, кошо-
рыя доставляетъ близость большаго горо-
да. Здѣсь воздухъ здоровъ, умѣренъ, ве-
сель. Съ одной стороны представляется
глазамъ большая равнина, которая кажет-
ся непрерывнымъ садомъ; а съ другой ви-
дны холмы, покрытые виноградомъ, изъ
кошораго выходятъ прекрасныя вина.
Здѣсь совсѣмъ не знаютъ тумановъ,
флюсовъ и головной боли, кошорыя —
какъ - то опытомъ доказано — всегда
Часть XVIII. No. 26. М бы-

бываютъ неразлучны. Вообще видъ весьма пріятенъ, и такъ разнообразенъ, какъ только себѣ представишь можно. Коротко сказать, эшо мѣсто не понапрасну называется *Элизиумъ*.

Въ сей радостной споронѣ Маркизъ Н* построилъ себѣ домъ, куда онъ пригласилъ меня вмѣстѣ съ нѣкоторыми любезными, избранными друзьями. Представыте себѣ осьмиугольную равноспонную залу, которая сведена куполомъ; свѣшъ въ нее проходитъ въ восемь оконъ, которыя выше кровли, и сверхъ того освѣщается она четырьмя крестъ накрестъ сдѣланными дверьми. Четыре прекрасныя комнаты примыкающъ къ прочимъ четыремъ спѣнамъ. Тѣкимъ образомъ въ срединѣ каждой спѣны есть дверь; одна ведетъ въ комнату, а другая въ портикъ съ тройнымъ сводомъ, которой подпертъ четырьмя столпами. Черезъ одинъ портикъ сходятъ въ алею, ведущую къ деревнѣ, а черезъ прочіе въ разные сады. Крыльцо сдѣлано въ одной изъ комнатъ, а посредствомъ галереи въ залъ сообщаются между собою всѣ верхнія комнаты, изъ которыхъ четыре сдѣланы надъ комнатами нижняго этажа, а другія четыре надъ портиками,

ками, такъ что передъ каждою комнатою остаеся небольшое шриугольное мѣспечко, гдѣ можешъ бытъ слуга. Кухня и другія надобности находятся внизу, а слуги живутъ въ двухъ сосѣдственныхъ домахъ, построенныхъ при началѣ алей, которая простирается къ деревнѣ. Все зданіе окружено хорошими, крѣпкими стѣнами, и все деревянное строеніе опдѣлано съ великимъ вкусомъ. Во всякое время года, и въ самую бурную погоду можно шущъ найти спокойное убѣжище. Всѣ домовые приборы просты. Нигдѣ не видно ни золота, ни серебра. Стулья и столы удобны, крѣпки и гладки. Полъ въ залѣ сдѣланъ изъ бѣлаго мрамора, а въ другихъ комнатахъ изъ орѣховаго дерева, и такъ ровенъ и блестящъ, что въ немъ почти какъ въ зеркалѣ можно видѣшь лице свое. Стѣны вездѣ выбѣлены нѣкоторымъ родомъ гипса, кошорой такъ гладокъ, что его можно почестъ мраморомъ. Онѣ не разписаны и не обвѣшаны картинами; шолько въ куполѣ залы, и въ шой комнатѣ, кошорую мы называемъ *Леннами*, видна живопись. Картины зашемняютъ комнаты. Сначала бывающъ онѣ пріящны глазамъ; но когда къ нимъ привык-

нешь, то чувствуешь одно то, что онъ дѣлающъ темношу и въ комнатахъ неудобны.

Сія комната, копорую мы *Ленинами* называемъ, посвящена Наукамъ, и находится прямо противъ крыльца. Она сдѣлана со сводомъ, кошорой выкрашенъ голубою краскою, и гдѣ нѣтъ никакихъ другихъ украшеній, кромѣ звѣздъ разной величины, разположенныхъ въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ находятся онѣ на нашемъ полушарѣ. На полу проведенъ весьма вѣрной меридіанъ, на кошорой, сквозь небольшое въ стѣнѣ сдѣланное отверстіе свѣтитъ лучъ солнечной. Стѣны нашихъ *Ленинъ* обиты полотномъ, выкрашеннымъ масляными красками, гдѣ символически представлены всѣ Науки. Въ одномъ мѣстѣ Кувидоны наводятъ телескопъ; другіе посредствомъ зажигательнаго стекла производятъ огонь; третьи занимаются важными астрономическими наблюденіями; иные разсматриваютъ присму и шѣнницу или камеру обскуру. На другой сторонѣ видна электрическая машина, кошорая Геніями приводится въ движеніе и выбрасываетъ искры. По томъ слѣдуетъ Пневматика и Гидравлика. Другіе Геніи разбираютъ

над-

надписи — и такимъ образомъ вся комната, по искусному раздѣленію тѣней и свѣта, разписана голубою краскою, которую возвышаетъ бѣлая. Въ комнатѣ спойшѣ большой неподвижной столъ, а подъ нимъ не болѣе прехъ сошѣ книгъ, со вкусомъ выбранныхъ и переплешенныхъ въ одинакой хорошей переплетѣ. На стѣнѣ висятъ весьма вѣрные часы. Квадрантъ, разные телескопы и увеличивательныя стекла, сферы и физическіе инструменты занимаютъ комнату, къ которой каждой изъ насъ имѣетъ ключъ, чшобы мы могли свободно въ нее ходить.

Садъ, которой идешъ прямо противъ большой алеи, совершенно во Французскомъ вкусѣ; а другіе два, которые идутъ по сторонамъ, разположены по собственному нашему вкусу. Садъ, находящійся на лѣвой сторонѣ, опредѣленъ для сѣшныхъ растѣній. Тутъ найдете вы самыя вкуснѣйшія травы и плоды Азіатскіе, Африканскіе и Американскіе; самую лучшую Голландскую спаржу, дыни и проч. Подъ землею проведены шрубы, которые всегда рачительно шопяшся, чшобы садить самыя рѣдкіе иностранныя плоды, несвойшвенные на стоящему годовому времени. Въ самую

позднюю осень бываютъ шупъ персики, вишни и другіе весенніе и лѣтніе плоды.

Когда вдругъ взглянешь на претій садъ, то покажется, что его надобно еще оидѣлать. Нѣтъ ни алей, ни партеръ, ни симметріи. Видишь только богато одѣтую Натуру, произведшую шупъ дикой лѣсокъ, въ которой не скоро найдешь входъ. Но когда подойдешь поближе, увидишь маленькую пропінку, ведущую въ сей прекрасной лѣсокъ, гдѣ подъ ногами находишь полей, шминъ и другія благовонныя травы, которыя наполняютъ воздухъ своими бальзамическими испареніями. Изъ подземельныхъ каналовъ бьетъ вода, которая искусно проведена изъ ключей близъ лежащаго холма, и всякой подумаешь, что шупъ ея изпочникъ. Она печетъ разными маленькими ручейками, и орошаетъ розы, землянику, фіялки и другія растѣнія, пріятныя для глазъ и обонянія. Тутъ въ совершенной свободѣ живутъ ппичи и вьютъ себѣ гнѣзда; онѣ шакъ привыкли къ людямъ, что ихъ можно почти брать руками. Сіе мѣсто во всякое время года пріятно, а особливо лѣшомъ, когда всѣ растѣнія бываютъ въ полной силѣ. Тутъ самое утонченнѣйшее искусство

ешво кажется проспымъ дѣломъ Нашуры. Куда ни пойдешь, вездѣ видишь въ изобиліи лучшіе дары щедрой Природы. Въ срединѣ сего волшебнаго лѣску есть круглая равнина, гдѣ въ прекрасномъ видѣ разсѣяны оспашки древней Архитектуры; столпы, аркады, карнизы, надписи, развалившіяся спашун — коротко скажашь, разныя древности, вокругъ которыхъ обвиваются шравы, подѣ ними растущія. Все сіе такѣ искусно разположено и въ такомъ прелестномъ безпорядкѣ, что я пришелъ въ возхищеніе и забылъ самого себя, когда въ первой разѣтуда пришелъ. Иногда казалось мнѣ, что я въ Театрѣ; иногда въ воображеніи своемъ попіралъ я ногами искусныя произведенія славнаго купечествомъ Кароагена или побѣдоноснаго Рима. Однимъ словомъ, я во всю жизнь свою не видалъ ничего прекраснѣе сего безпорядочнаго сада, кошорой при всемъ томъ стоишѣ нашему хозяину менѣе двухъ другихъ.

Вотъ вамъ описаніе шого мѣста, гдѣ я нынѣ живу. Теперь опишу вамъ образъ жизни нашей. Насъ геспей съ хозяиномъ семеро, и каждой изъ насъ имѣешѣ особливую комнату вверьху. До одиннацати часовъ всякой дѣлаешѣ,

что хочеть. Что принадлежитъ до меня, то я, послѣ утренняя молитвы, хожу съ книгою въ прелестной лѣсокѣ. Въ одиннадцать часовъ всѣ одѣнулись. До обѣда остаётся еще два часа. Въ сіе время мы читаемъ какое нибудь Маркизово сочиненіе и разныя мѣста изъ другихъ хорошихъ Писателей, или разсуждаемъ о своихъ наблюденіяхъ, иногда декламируемъ какую нибудь хорошую Трагедію или Комедію — и такимъ образомъ проводимъ сіи два часа пріятно и полезно. Тутъ идемъ обѣдать; но никто не примѣчаетъ, что Маркизъ господинъ въ домѣ — онъ не приказываетъ, не хулитъ, не подбиваетъ. Обѣдъ бываетъ наилучшій, и состоитъ изъ здороваго и легкаго кушанья. Нѣтъ грубой пышности, однакожь всего довольно. Никогда не подають на столъ вязкаго и шпательнаго мяса, луку, чесноку, кислаго или соленого кушанья, каршофелей и проч.; напрошивъ того всегда бывають въ обѣдѣ цыпляты и другія молодыя птицы, всякія правы, померанцы, а особливо сокъ ихъ. Мы любимъ вкусныя, а не крѣпкія кушанья; пища, сильно дѣйствующая на вкусъ, такъ сказать, заглушаетъ его и лишаетъ гораздо большіхъ

шихъ и пончайшихъ удовольствій. Вина, дѣлаемая изъ здѣшняго винограда, весьма вкусны, а не крѣпки, такъ что они, естли немного смѣшаешь ихъ съ водою, подобны лимонному соку, и составляютъ пріятное питье, способствующее варенію въ желудкѣ. Мы не употребляемъ такого кушанья, которое сильно пахнетъ, и всего того, что въ гніеніи имѣетъ отвращительной духъ; по тому сыръ и капуста никогда не употребляются. — Таковъ нашъ столъ. При концѣ обѣда пьемъ мы по чашкѣ прекраснаго кофе; всѣ довольны, сыты, не осягощены грубымъ кушаньемъ, которое усыпляетъ духъ и заспавляетъ зѣвать; и такимъ образомъ послѣ обѣда снова оживляется веселость наша.

По томъ подають намъ кареты и верховыхъ лошадей. Мы прогуливаемся — ѣдимъ вгости къ комунибудь изъ сосѣдственныхъ дворянъ, или въ уединенныхъ мѣстахъ наслаждаемся прекраснымъ видомъ, и разсматриваемъ какойнибудь водопадъ или другія великолѣпныя натуральныя сцены. Время до вечера проходитъ для насъ непримѣтно, и въ сумерки возвращаемся мы въ Эли-

зіумѣ. Вѣ воскресеніе ввечеру даемѣ мы балѣ, и всѣ сосѣди сѣѣзжаются прово-
дитѣ у насѣ вечерѣ. Музыканты наши
играютѣ на галлерей, а вѣ большой залѣ
панцуютѣ. Вѣ одной комнаѣ нижняго
эшажа споятѣ карпочные сполы, а вѣ
другой бываетѣ сельской ужинѣ, гдѣ всякой
себѣ служитѣ, и, не сядя за сполѣ, про-
хлаждаеня лучшими плодами и пьетѣ
лучшія вина. Около полуночи балѣ нашѣ
оканчивается. Вѣ прочіе вечера зани-
маемя мы музыкою. Трое изѣ нашихѣ
товарищей хорошіе музыканты, и игра-
ютѣ шріо. Маркизѣ вѣ путешествіи
своемѣ собралѣ множество прекрасныхѣ
легкихѣ сонатовѣ, кошорые переплешены
всѣ вмѣспѣ. Между шѣмѣ другіе шу-
тятѣ и смѣются, читаютѣ, слушаотѣ,
разговариваютѣ. Наконецѣ наступаетѣ
часѣ ужина, и послѣ спода всякой идетѣ
вѣ свою комнапу.

Сшрого запрещено у насѣ злосло-
випѣ и говоритѣ что нибудѣ противѣ
Религии. Жизнь наша естѣ самая невин-
ная и щаспливая. Я не думаю, чтообы
Азіатской Султанѣ могѣ наслаждаться
шакими удовольствіями, кажими мы на-
слаждаемя, хошя бы и думалѣ онѣ, что
мил-

милліоны людей живущі только для услугъ его.

А всякую красоту, всякую пріятность возвышаетъ самъ Маркизъ, человекъ, которой знаетъ всѣ Дворы и всякое цвѣтущее Европейское государство; которой пріятельски обходился съ самыми славнѣйшими людьми во всякомъ родѣ; которой въ путешествіяхъ своихъ и черезъ упражненіе въ Наукахъ, бывшихъ всегда предметомъ природной склонности его, приобрѣлъ такія драгоцѣнныя знанія, и употребляетъ ихъ такъ хорошо, что его обхожденіе очаровываетъ людей. Онъ милъ, любезенъ, и при томъ *мужъ*; рѣшителенъ и смѣлъ безъ дерзости. Одни друзья его обѣдаютъ у него въ деревнѣ; и въ разсужденіи сего взялъ онъ такія хорошія мѣры, что никто незваной не можетъ у него оспаться къ столу. Ни одинъ человекъ изъ шѣхъ гостей, которые по воскресеньямъ у насъ танцуютъ и ужинаютъ, не осмѣлился соучаствовать съ нами въ ежедневныхъ упражненіяхъ нашихъ. Такимъ образомъ сей истинной Философъ умѣетъ жить въ свѣтѣ, не будучи рабомъ его.

Часто

Часто бывалъ я въ великолѣпныхъ увеселительныхъ замкахъ и въ самыхъ блестящихъ компаніяхъ; но никогда еще не видывалъ такого избраннаго и веселаго общества, какъ наше. Всего же пріятнѣе то, что нашъ хозяинъ не разоряется отъ жизни своей, подобно тѣмъ, которые нынѣ живутъ великолѣпно, а *завтра* должны терпѣть недоспашки и нужду; а сіе чувство пагубной пышности всегда терзало сердце мое и не давало мнѣ ничѣмъ наслаждаться, когда я участвовалъ въ великолѣпныхъ забавахъ.

Маркизъ получаетъ ежегодно 12000 талеровъ. Въ молодыхъ лѣтахъ своихъ издерживалъ онъ сей доходъ на путешествія. Когда же возвратился въ отечество, то на содержаніе свое опредѣлилъ только 4000, а прочія восемь употреблялъ на строеніе *Элизіума*. Остроумивъ его, сдѣлалъ онъ опять новое распоряженіе въ разсужденіи своихъ доходовъ: 4000 талеровъ назначилъ для своей особы, 1000 для содержанія *Элизіума*, 2000 для бѣдныхъ, 1000 для награжденія достойныхъ людей, когда они что нибудь полезное сдѣлаютъ; а прочія 4000 на то, чтобы два мѣсяца
въ

вѣ году весело прожить въ *Элизіумѣ*. Въ семѣ разпоряженіи ничто одно другому не мѣшаетъ. Если бы сказать вамъ, какимъ образомъ употребляетъ онъ 1000 палеровъ, назначенныхъ для награжденія достоинствъ во всякомъ родѣ — какъ онъ помогаетъ Ученымъ, Живописцамъ, Художникамъ — и какое добро ежегодно дѣлаетъ онъ шѣмъ въ своемъ отечествѣ: то сіе подало бы мнѣ матерію къ новому письму, и вы бы увидѣли, что одинъ разумной гражданинъ имѣетъ болѣе вліянія на просвѣщеніе націи, нежели всѣ угрюмыя Капоны. Но пора окончить письмо. Простите! — Остаюсь, и проч.

Писано въ Элизіумѣ,

5 Окт. 1764.

РАЗСУДИТЕЛЬНОСТЬ,

Анекдотъ.

Недавно въ Англіи одинъ Офицеръ, изъ которой былъ Шотландецъ, вызвало на поединокъ другаго Офицера, утверждая, что онъ поносилъ Шотландскую націю. Оба они оплечались всегда храбростію и мужествомъ.

Пришедши на мѣсто, Англичанинъ спросилъ у Шотландца: За что мы по-
длинно хотимъ драться?

За честь мою, за честь моего опечества — отвѣчалъ онъ.

Нѣтъ, сказалъ Англичанинъ, вынимая изъ кармана веревку: а вопль за что! Кто изъ насъ будетъ побѣдителемъ, тотъ въ награду не получитъ ничего, кромѣ веревки. Въдь вы знаете, что по государственнымъ законамъ надобно повѣсиль убійцу.

Сіе неожиданное примѣчаніе заставило Шотландца войти въ самого себя. Подумавъ нѣсколько минутъ, дружески
подалъ

подалъ онъ руку своему прошивнику, не вынимая изъ ноженъ шпаги.

Симъ доказали оба, что они могли презиратьъ предразсужденія и побѣждатьъ спраспи, повинуюся гласу разсудка; а въ семъ-то и состоиптъ истинное мужество!

ОСТРОЙ ОТВѢТЪ.

Ученой поднесъ одному Принцу книгу о лунныхъ царствахъ, желая, что-бы онъ получалъ надъ ними начальство. Принцъ, прочитавъ нѣсколько страниць, сказалъ ему: *Благодарю васъ за хорошее желаніе. Какъ скоро завоюю это царство, которое вы такъ прекрасно описываете, то сдѣлаю васъ тамъ своимъ наместникомъ.*

КОНЕЦЪ XVIII ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

XVIII Части.

	Странъ
<i>Статьи изъ Боннетова Сочиненія.</i>	3
<i>Шевалье де Лорда.</i>	54
<i>Исторія Слѣпаго.</i>	58
<i>Весенняя пѣснь меланхолика.</i>	63
<i>Аркадской Памятникъ.</i>	65
<i>Ездохъ.</i>	80
<i>Анакреонтическіе стихи</i>	93
<i>Гроза.</i>	96
<i>На смерть дѣвцы **.</i>	108
<i>Господину Д * * на болѣзнь его.</i>	109
<i>Идасъ и Миконъ.</i>	110
<i>Всеобщая Молитва.</i>	141
<i>Гимнъ.</i>	151
<i>Игра.</i>	159
<i>Прогулка.</i>	161
<i>Рѣдкое великодушіе.</i>	176
<i>Евгеній и Юлія, Русская истинная повѣсть.</i>	177
<i>Прозодушіе и Искренность.</i>	192
<i>Утѣхи сельской жизни въ Италіи.</i>	193
<i>Разсудительность.</i>	206
<i>Острой отвѣтъ.</i>	207

